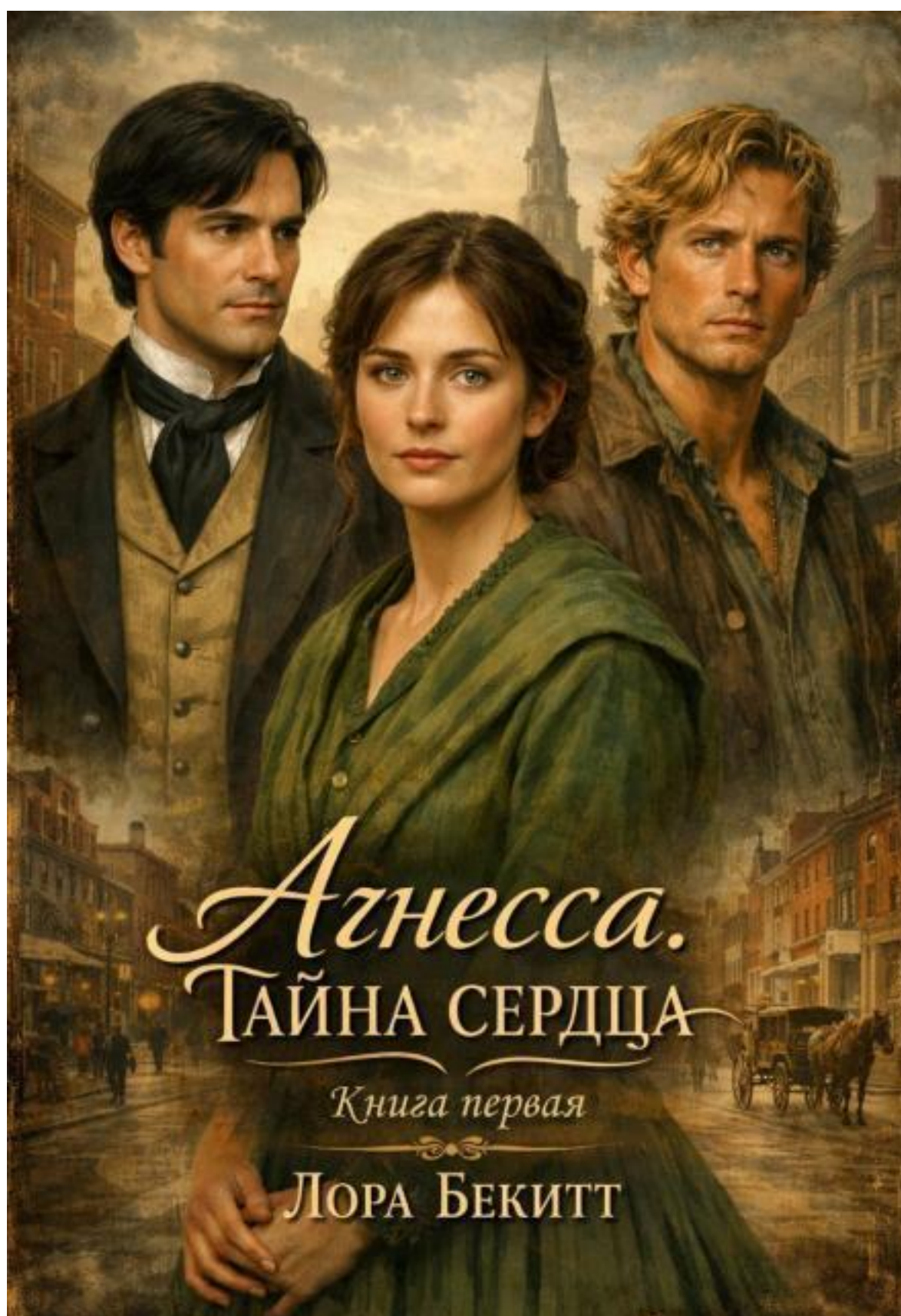

Агнесса.
ТАЙНА СЕРДЦА

Книга первая

ЛОРА БЕКИТТ

Лора Бекитт

**Агнесса. Тайна
сердца. Книга первая**

«Литнет»

2026

Бекитт Л.

Агнесса. Тайна сердца. Книга первая / Л. Бекитт — «Литнет», 2026

Америка, XIX век. Изгнанная из общества Агнесса живет с внебрачным малышом в скромном доме на окраине небольшого города. Ее бывший муж, благородный Орвил Лемб, воспитывает их общего сына и дочь Агнессы от Джека, простого парня с конюшни, некогда ставшего ее первой любовью. С ним женщина вновь сошлась, сделав выбор между долгом и чувствами. Спасший ее ценой преступления и попавший в заключение Джек признан погибшим семь лет назад, хотя его тело не нашли. Между былыми возможностями Агнессы и тем, что она получила в итоге, лежит пропасть. Тем временем Орвил не может ни простить ее, ни избавиться от прежних чувств. А в жизни маленького сына Агнессы появляется таинственный незнакомец. История, полная неожиданных сюжетных поворотов, противоречий и драматизма, столкновений эмоций и доводов разума. **ВНИМАНИЕ!!!** Краткая предыстория романа: Вторая часть книги: **ОБЛОЖКА ОТ КОНСТАНТИНА БРЕЗА**

© Бекитт Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	14
Глава пятая	17
Глава шестая	21
Глава седьмая	23
Глава восьмая	26
Глава девятая	32
Глава одиннадцатая	37
Глава двенадцатая	42
Глава тринадцатая	44
Глава четырнадцатая	46
Глава пятнадцатая	50
Глава шестнадцатая	54
Глава семнадцатая	58
Глава восемнадцатая	62
Глава девятнадцатая	66
Глава двадцатая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Глава первая

Большинство людей, которым известна моя история, говорили, что я совершила большую глупость, сама разрушила свою жизнь и жизнь своих близких. Узнать, изменилась я или нет, они смогут, прочитав эту книгу.

Агнесса Митчелл

Дорогие новые читатели! Пожалуйста, обязательно прочитайте краткую (!) предысторию романа <https://litnet.com/shrt/PFnX>

С некоторых пор Агнессе стало трудно вставать по утрам. Она поджимала колени к груди и лежала, как лежала когда-то в материнской утробе. В настоящем мать оставалась для нее чужой, но тогда, соединенные пуповиной, они составляли единое целое. И порой она грезила о невозможном: вернуться туда, чтобы родиться заново и начать все сначала. Агнесса знала, что когда она поднимется, повседневные дела постепенно вернут ее в привычную колею. Но первый шаг, отрывавший ее от спасительного забвения, был мучителен. Она ощущала боль в районе солнечного сплетения, скорее не физическую, а душевную, которая бывает страшнее телесных терзаний.

В другой комнате почти в то же время каждое утро просыпался ребенок, вылезал из постели и подходил к окну. Кроме ненастных дней, там, за озером, на горизонте словно загорались сотни свечей. Мальчик понимал, что в эти минуты в мире происходит что-то очень важное. Окрестности заливал магический свет, его стрелы пронзали облака, и было трудно не ощутить волшебное и великое единение со всем, что существует на свете, почувствовать, что видишь таинственные врата, вход туда, где ты никогда не бывал и, возможно, не побываешь.

Ребенок коснулся рукой стекла и тут же отдернул пальцы: в это время года рассветы уже были холодными. Тогда он решил спуститься вниз, туда, где топилась печь и было тепло. На плите в кастрюле булькала овсянка. Терри вынимала из печи пирог.

— Проснулся? — не оборачиваясь, произнесла она. — Иди умойся и садись, сейчас позавтракаешь.

Терри редко улыбалась, чаще была строга, но мальчик знал, что она добрая.

Раскрасневшийся от холодной воды, он неловко присел к столу, на который минутой позже женщина водрузила пирог и приготовилась украшать его цукатами. Когда она поставила перед ребенком тарелку с овсянкой, он сказал:

— Я хочу пирога.

Терри подняла глаза.

— Нет, Джек. Не сейчас. Вечером.

— Почему?

В последнее время мальчик все чаще задавал этот вопрос и далеко не всегда вслух. Он знал, что получит пирог, дело было не в этом: он хотел попробовать его первым. Но так никогда не бывало. Ему давали кусок или два-три — сколько захочет, но только после того, как пирог попробует *другой* мальчик, тот, с кем ему не разрешалось ни видаться, ни разговаривать.

— Потому что нельзя есть прежде, чем не поедят гости.

Гости. Это всегда были мужчина, тот самый мальчик и Джессика. Когда Джессика приезжала одна, она не была гостьей, она становилась его сестрой: читала ему книжки, гуляла с ним в саду, шутила и смеялась, учила его рисовать. Но в эти дни, хотя она и поднималась в комнату, где он терпеливо сидел один, она тоже принадлежала другому миру. И мама, прижимавшая его к себе после того, как они уедут, думала не о нем, а о *том* мальчике. Чувствуя это, Джек поневоле ощущал себя покинутым и ущемленным. В эти дни его мама, Агнесса, всегда была возбужденной и нервной, тогда как в иное время он видел ее другой — задумчивой, грустно-

вато-спокойной. И Джек твердо решил, что сегодня уйдет, куда угодно, но уйдет, не останется в своей комнате в компании игрушек, которые в те минуты казались ему неживыми.

Он покорно и молча съел овсянку. Никто не знал, о чем он думает, точно так же, как никто не станет за ним следить, когда придут пресловутые «гости». Запущало платье — на кухню вошла мама. У нее был светлый взгляд и вместе с тем лицо уставшего, смиренного с судьбой человека.

— Доброе утро, милый!

Она легко, почти невесомо коснулась рукой его головы, и то была нежная ласка. Джек был еще слишком мал, чтобы понять, что *того* мальчика мама не приветствует так по утрам, а поэтому в чем-то главном обделен именно тот, *другой*, а не он.

Одним из жестких условий, поставленных Орвилем Лембом, было следующее: дети не должны общаться. Он отказывался принимать тот факт, что Джерри и Джек — единоутробные братья. И вот уже семь лет Агнесса терпела эту пытку. Орвил привозил их общего сына раз в неделю, но Джессика могла приезжать чаще и даже оставаться ночевать. И все-таки ее дом тоже был *там*, а не здесь.

Все, и мать Агнессы, Аманда Митчелл, и Терри, считали, что если бы она не родила третьего ребенка, Орвил давно бы ее простил. «Преступно рожденное дитя» — она слышала и такие слова, и это было гораздо хуже, чем «дитя, рожденное от преступника». И в глубине души Агнесса не хотела становиться «прощенным изгоем». Но все же она пошла бы на это, только ради Джерри, только ради него.

Несмотря на то, что он так и не вступил во второй брак, что в его жизни была только одна любимая женщина, Орвил не желал ни прощать Агнессу, ни видеть и тем более признавать ребенка, рожденного от соперника. И неважно, что этот соперник вот уже восемь лет как был мертв. Хотя тело так и не нашли, никто не сомневался, что он погиб. У него не было могилы, и иногда Агнесса думала о том, что Джек (отец Джека-младшего) никогда не имел настоящего дома при жизни, и ему не довелось обрести его даже после смерти. Что стало с его душой, оставалось только догадываться. «Однажды я взял в плен твою душу и уже не отпущу», — сказал он когда-то, и она запомнила эти слова. Но он не был дьяволом, он всегда оставался человеком, пусть оступившимся и в чем-то заблудшим. Агнесса никогда не молилась за него, и он ни разу не пришел к ней во сне. Возможно, как и Орвил, он тоже не мог ее за что-то простить, но вот только с ним она уже не имела возможности ничего исправить.

Иногда ей было больно смотреть на Джессику, которая многое унаследовала от внешности своего отца. Тогда как Джек-младший был похож на него разве только чуть-чуть. У мальчика были *ее* каштановые волосы, прозрачные зеленые глаза в темной окантовке ресниц, тонкий овал лица и... неуловимая с первого взгляда внутренняя ранимость.

Старший Джек не был столь плохим, каким его представляли окружающие, точно так же, как Орвил оказался вовсе не таким всепрощающим, как о нем думали. «Благородный мистер Лемб» — часто говорили о нем люди. Он и был благородным, только именно это возвышающее его благородство, как иногда казалось Агнессе, не давало ему снизойти до некоторых вещей. Все действия бывшего мужа были сознательными и целенаправленными. Он не наказывал ее, он делал то, что считал нужным делать, думая в основном о тех, кто жил в его доме. О ее детях.

Очнувшись от задумчивости, Агнесса взяла с блюда кофейную чашку, но тут же поняла, что слишком взвинчена, чтобы сделать хотя бы несколько глотков. А присутствие настороженно следящего за ней сына только усугубляло ее состояние.

— Пойду к себе, надо кое-что доделать, — отрывисто произнесла она.

Мальчик тихонько вздохнул. В дни, подобные этому, мать почти не обращала на него внимания, ее мысли витали где-то далеко, и он оказывался предоставленным самому себе.

В своей спальне Агнесса села на кровать и провела руками по волосам, которые без того были гладко причесаны. Женщина знала: спустя несколько минут одиночества ей станет лучше.

Этот дом был подобен кокону, защищавшему и вместе с тем ограждавшему ее от действительности. Семь лет прошли словно в застывшем времени, и только дети, которые росли и менялись (и вместе с этим ширилась трагедия, становились непредсказуемыми ее последствия), давали ощутить и понять, что жизнь никогда не стоит на месте.

Менялась мода — она не обращала на это внимания и редко покупала новые платья. Агнесса ни с кем не общалась, она жила в замкнутом мире, жила с младшим сыном и Терри и — от одного до следующего посещения ее дома Орвиллом, Джерри и Джессикой.

Однажды Терри, бывшая служанка ее матери, прежде, как и другие, осуждавшая Агнессу, снова приехала к своей барышне, как всегда ее называла, да так и осталась. Она была немолода и одинока, она помогала Агнессе растить Джека, и та больше не слышала от нее ни слова осуждения и видела только поддержку и помощь. Все эти годы в доме обитали две женщины, мальчик, да еще был приходящий ночной сторож, а при необходимости появлялся садовник.

Агнесса знала, что когда за оградой раздастся шорох колес и стук конских копыт, черты ее лица оживут, в глазах вспыхнет свет, а в груди разольется тепло, но ей всегда было трудно пережить несколько часов между утром и полуднем, когда обычно приезжали дети и ее бывший муж.

Около шести лет назад Орвил привез ей документы о разводе, и она подписала их, почти не читая. Хотя их церковный брак оставался в силе, к священникам Орвил не обращался. Бывший муж назначил Агнессе весьма приличное содержание и сделал ее дочь Джессику своей полноправной наследницей. Но ее младшего сына не желал даже видеть и никогда не заговаривал о нем. Агнесса старалась соблюдать правила и, пожалуй, привыкла бы, приспособилась, если бы не Джерри, сын, рожденный ею от Орвила. Ему исполнилось одиннадцать лет, и она не хотела иметь от него секретов. Она желала, чтобы он принимал и любил ее такой, какова она есть, но едва ли это было возможно. Агнесса не знала, что говорил о ней детям Орвил. Даже если и ничего плохого, до них, безусловно, долетали какие-то слухи, неосторожно произнесенные окружающими слова. Да и слуги в доме Орвила наверняка судачили о ней на кухне. Единственной, с кем Агнесса могла поговорить начистоту (кроме Терри), была шестнадцатилетняя Джессика, но дочь вступила в пору сложного возраста, прихода взросления, возможно, первой любви, и женщине не хотелось нагружать ее своими проблемами.

Пока она в сотый раз думала одну и ту же думу и переживала одни и те же чувства, Джек уныло слонялся по кухне, бесцельно трогая, а то и роняя предметы, пока Терри не промолвила, хотя и досадливо, но с долей ласки:

— Погулял бы ты во дворе!

Мальчик послушно вышел за дверь. Он редко возражал взрослым, а со сверстниками ему и вовсе не доводилось общаться. Словно оберегая от чего-то, мать почти никуда его не брала, а может, ей было стыдно показывать его людям. К счастью, в силу возраста он пока не задумывался ни о том, ни о другом.

Внезапно Джека посетила мысль, а вернее сказать, навязчивое желание пойти к озеру. В то время как *другой* мальчик станет называть *его* мамой, он, наконец, попадет в то волшебное место, где еще никогда не бывал. Он пойдет на озеро, туда, где каждое утро некто невидимый медленно зажигает небесные огни, а вечером столь же неспешно их гасит. Возможно, этим кем-то был тот, кто дает ответы на все вопросы.

Глава вторая

Выйдя за калитку, которая была открыта, вероятно, в ожидании гостей, Джек побегал. Потом быстро пошел по тропинке мимо пожухлой травы, кустов с уныло облетающими листьями, но при этом тревожно яркими ягодами. На берегу озера его охватило не то чтобы разочарование, а скорее недоумение. Краски оказались тусклыми, над водой стелилось скрывавшее горизонт марево, песок был усеян торчащими неприглядными и пугающе странными корягами. Воздух пах сыростью и чем-то неприятным. Кажется, водорослями. Джек стоял, сжавшись от ветра, задувавшего под его легкую курточку, однако не хотел уходить. Он словно бросал кому-то вызов, тогда как облака текли и текли в одну сторону, заслоня пространство и поневоле увлекая его взгляд за собой. Он казался очень маленьким и очень одиноким на этом огромном пустынном берегу.

Джек не знал, сколько прошло времени, когда вдруг услышал за спиной голоса:

— Ты кто такой и что здесь делаешь?

Он повернулся. На него смотрели мальчишки, их было шестеро, все старше и выше него. Почти каждый держал в руках палку, на лицах застыли усмешки, а их одежда была далеко не такой чистой и аккуратной, как на нем.

— Я сейчас уйду, — прошептал он.

Мальчишки захохотали.

— А кто даст тебе уйти просто так? У тебя мелочь есть?

— Что?

— Ну деньги?

— Нет...

— Тогда мы бросим тебя в воду. Плавать-то ты наверняка не умеешь!

Джек ощутил себя опустошенным, растерянным и очень слабым. Он понимал, что бесполезно кричать и плакать. Кроме него и этих мальчишек здесь никого нет. Между тем страх поднимался откуда-то изнутри, разливался по телу, заставляя его предательски дрожать. Он не представлял, что значит драться, давать отпор. Дома его не наказывали и не ругали, лишь иногда слегка журили, а с другими людьми он не общался. И теперь чья-то грубая воля, как нечто чужеродное, вторгалась в его душу, оставляя там черные следы. Один из мальчишек схватил Джека за рукав и резко дернул.

— Давай, лезь в воду!

Ребенок ощутил себя на краю гибели. Он впервые почувствовал, что означает впасть в безысходность.

— Для начала сами попробуйте эту водичку! Если не хотите, я вам помогу.

Этого никто возгласа не ждал. Из-за кустов вышел человек, мужчина, и направился к ним. Выражение его лица было жестким. В руках он ничего не держал, но едва ли что-то могло понадобиться, чтобы разогнать стайку мальчишек. Их в самом деле как ветром сдуло. Только Джек продолжал стоять, не двигаясь, так, будто его ноги вросли в песок.

— Не бойся, — сказал мужчина и спросил: — Ты заблудился?

Мальчик покачал головой.

— Ты пришел сюда один? — нервно оглядываясь, поинтересовался мужчина.

— Да.

— А твои родные знают, где ты?

— Нет, — наивно признался мальчик.

Человек подошел ближе. Он постарался улыбнуться.

— Как тебя зовут?

— Джек.

Мужчина вздрогнул, на мгновение закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

— А меня Рэндалл. Рэн. Давай я тебя провожу, а то вдруг те шалопаи поджидают тебя где-нибудь по дороге. Ты говоришь, что знаешь, куда идти?

Ребенок кивнул, а потом сказал:

— Это недалеко.

Мужчина не сделал попытки взять мальчика за руку, а просто пошел рядом.

— С чего тебе вздумалось пойти на озеро?

— Потому что я никогда здесь не был.

— Не был на озере, хотя твой дом стоит рядом? — удивился незнакомец, и Джек подумал о том, что иногда то, что находится близко, невозможно достать. Он ответил уклончиво:

— Обычно я гуляю в саду.

— А с кем ты живешь?

— С мамой и с Терри.

— Кем тебе приходится Терри?

— Не знаю, — растерянно ответил Джек, потому что никогда не задавался таким вопросом.

— А братья и сестры у тебя есть?

— Есть сестра, ее зовут Джессика.

— Ты не сказал, что она живет с вами.

— Я не знаю, где она живет, я там не бывал, — промолвил мальчик и на всякий случай добавил: — Но она приезжает к нам.

— Ты с кем-нибудь дружишь?

— Нет.

— Почему?

Джек пожал плечами. Мужчина остановился, потом присел перед ребенком на корточки и заглянул в его глаза, в коих застыло непонимание и какая-то странная печаль.

— Тогда надо завести собаку.

Мальчик сжал губы. Это было его желанием, его давней мечтой. Ему понравилось, что незнакомец так хорошо угадал его мысли, и он проникся к нему невольным доверием.

— Мама против.

— Почему?

— Она говорит, у нее была любимая собака, и ей не хочется заводить другую.

— Та собака умерла?

— Да.

По лицу незнакомца скользнула тень.

— Давно?

— Когда я был маленьким. Я ее не помню. Мне мама рассказывала.

— Тогда все понятно. И все-таки это был пес твоей мамы, а ты вправе завести своего. На лесопилке, где я работаю, есть собаки: месяца два назад у одной из них родилось пять щенков. Ты можешь выбрать любого.

Джек замер. Он представил маленькое теплое бархатистое тельце, шелковистые уши, блестящие глаза. И даже не только представил — он почувствовал это и едва не задохнулся от восторга. Сила притяжения между ребенком и взрослым мгновенно выросла.

— А если мама не позволит?

— Когда ты принесешь щенка домой, она не сможет его выбросить. А если такое все же случится, я заберу его обратно. Только заранее ничего ей не говори.

— А так можно?

Человек, назвавший себя Рэндаллом, вновь улыбнулся, хотя не улыбался уже давно. С каждой фразой он становился все более раскованным.

— А ты попробуй! Приходи завтра к озеру. Или в любой другой день, когда сумеешь незаметно уйти из дома. Я буду тебя ждать. Я смогу приходить, потому что работаю по ночам. Придешь?

Джек не знал, что ответить, поэтому промолчал. Ему было нужно подумать.

— Что вы делаете на лесопилке?

— Слежу, чтобы ничего не украли.

— И у вас есть оружие?

— Конечно.

Поднявшись на ноги, Рэндалл вынул револьвер и показал мальчику. У того загорелись глаза, он прикусил губу и протянул руку.

— Не сейчас, — мягко произнес мужчина. — Он заряжен.

— А вы из него стреляли?

По лицу Рэндалла вновь пробежала тень.

— Нет, — сказал он и добавил: — То есть иногда я просто упражняюсь, чтобы не утратить меткость.

Скрытый смысл этого ответа, по-видимому, был таков: он не стрелял в людей, чего мальчик, разумеется, не уловил. Когда они дошли до поворота, с которого был виден дом, где жил ребенок, мужчина остановился.

— Дальше я не пойду. Так ты придешь завтра, Джек? — В его голосе звучали какие-то странные интонации, особенно когда он произнес имя, но мальчик этого не заметил.

— Я... я не знаю, — растерянно ответил он.

— Я буду ждать, — тихо и в то же время настойчиво повторил мужчина.

Он долго смотрел вслед удаляющемуся ребенку, о чем-то напряженно размышляя, потом повернулся и пошел назад, чтобы вернуться другой дорогой, не проходя мимо дома, в котором обитал Джек, его мать и еще одна женщина, то ли служанка, то ли просто добрый друг этой маленькой семьи.

Глава третья

Ребенок не успел вернуться до приезда «гостей»: у ворот стоял экипаж, и с его подножки спускались мужчина и мальчик. И почему-то с ними не было Джессики. Меньше всего на свете Джек желал встретиться с ними. Он попятился, потом повернул назад и, обогнув ограду, очутился возле задней калитки. Она была заперта, но он перелез через нее и кинулся во двор, надеясь незаметно прошмыгнуть в дом. Однако везение было не на его стороне: прямо у крыльца он столкнулся с *другим* мальчиком, причем того обнимала мама, обнимала самозабвенно, с любовью. Мужчина просто стоял и глядел на них с непонятным выражением лица. Джека увидели все трое. И *тот* мальчик посмотрел на него не то чтобы враждебно, но так, как смотрят на какого-то неведомого зверька.

— Агнесса, мы договаривались, — ровным тоном произнес мужчина.

— Что ты тут делаешь? Пожалуйста, поднимись к себе, — строго сказала мама, и Джек вновь почувствовал себя потерянным и чужим. А еще — никому не нужным.

Он бросился в дом, а поэтому не увидел, как в глазах матери блеснули слезы.

— Почему Джесси не приехала? — спросила она Орвила.

— Отправилась на пикник с подругами, — непринужденно произнес тот, а потом добавил: — Она обещала навестить тебя завтра.

Агнесса ощутила укол в сердце. Дочь предпочла встречу с подругами свиданию с ней и с младшим братом. Женщина подняла голову немного выше, и в ее взоре промелькнули независимость и достоинство. Пусть Джессика делает так, как лучше для нее. Она почти взрослая, к тому же в свое время ей довелось пережить и понять не по возрасту много.

Орвил прошел в дом вслед за сыном и бывшей женой. После развода он так никого и не встретил, не полюбил. Выстраивая жизнь словно по какой-то схеме, он понимал, что поступает не совсем правильно, но человек не всегда волен над своими чувствами и поступками. Иногда Орвилу чудилось, будто он оградил свою душу терновником, который не защищает, а только ранит колючками, но не мог ничего поделать. Он вспомнил, как недавно Джессика как бы между прочим обмолвилась: «Все идет к тому, что Джеральд и Джек возненавидят друг друга и станут делить мою мать, как ее когда-то делили ты и *он*». Джесс была умной. И очень прямой. Он уважал ее за это. И безоглядно любил, как любил бы родную дочь. Просто так, ни за что. Потому что она — это она.

— Ты будешь кофе, Орвил? — спросила Агнесса.

— Да, пожалуй.

— Сейчас Терри подаст.

Коротко поклонившись, та вышла из комнаты. Несмотря на уговоры Агнессы, она никогда не садилась с ними за стол и предпочитала скрываться на кухне.

— Терри испекла твой любимый пирог, — сообщила женщина сыну.

— О, здорово! А представляешь, мама, папа купил мне щенка! — возбужденно произнес Джерри.

Он на время позабыл о *другом* мальчике, который почти никогда не показывался ему на глаза. Сейчас тот был для Джерри просто досадной помехой на заднем плане его жизни. Агнесса улыбнулась, но, как показалось Орвилу, через силу.

— Породистого?

— Да, фоксхаунда. Джесс тоже была рада.

— Хотя она все еще тоскует по Керби, — вставил Орвил, вспомнив преданного пса, который был с Агнессой и Джессикой, пока не умер от старости.

— Некоторые потери невосполнимы.

Уголок рта Орвила дернулся.

— Я тебя понимаю.

Агнесса проигнорировала его слова. Она говорила с сыном, расспрашивала его о школьных успехах, о друзьях и детских делах. Она знала, что хотя в доме Орвила ему хватает и любви, и внимания, и заботы, не достает ее самой, то есть матери. То же самое можно было сказать и о Джессике. Но дочь понимала причины, а Джерри о них не догадывался. Сколько он ни пытался расспросить об этом отца, мать или сестру, те всякий раз уходили от ответа.

Через некоторое время Орвил выразительно посмотрел на часы.

— Я бы хотела с тобой поговорить, — сказала Агнесса, вставая из-за стола и быстро взглянув на бывшего мужа, а потом ласково обратилась к сыну: — Иди на кухню, поболтай с Терри.

Агнесса и Орвил прошли в соседнюю комнату, и женщина плотно прикрыла дверь. Мужчина молча ждал. Он выглядел таким, как и всегда. Собранным, уверенным, спокойным. Но Агнесса заметила, что в его облике сквозит усталость. Наверное, он получал от жизни куда меньше радости, чем хотел, ожидал и заслуживал.

— Не буду ходить вокруг да около: я намерена отказаться от содержания. Хватит. Пришла пора жить самостоятельно.

Если Орвил и удивился, то не подал виду.

— Не самая лучшая идея, Агнесса. Откуда ты будешь брать деньги?

— Я пойду работать.

Выражение его лица оставалось непроницаемым, но Агнесса знала, о чем думал Орвил. Из-за слухов, которые ходили о ней в городе, слухов о том, что она изменила своему благородному и порядочному мужу непонятно с кем, да еще родила ребенка от любовника, за что была навсегда изгнана из дома, ее никогда не пустят ни на один порог. Да и сам Орвил Лемб не позволит бывшей жене устроиться на какую бы то ни было работу. Потому что это ударит и по его репутации. Таким было общество, к которому он принадлежал и правилам которого был вынужден следовать.

Агнесса прошла по комнате, потом остановилась, и ее зеленые глаза блеснули. Платье на ней тоже было зеленым, лиф украшала вышивка, наложенная на ткань более темного цвета. Орвил сразу заметил это, потому что он замечал все и всегда. Оделась ли Агнесса так именно к его приезду? Он понимал, что эти еженедельные визиты для нее, с одной стороны, мучительны, а с другой — долгожданны. Но ждала ли она его или только Джерри, он не знал.

— Говоря о работе, я имею в виду не твой круг. И даже не этот город. Я уеду отсюда и поселюсь в другом месте.

— Ты хочешь для *того* своего сына тяжелой доли?

Агнесса пристально посмотрела ему в глаза.

— А она будет легкой здесь, где никогда и нигде не признают?

Орвил молчал. Этот ребенок всегда был для него бельмом на глазу. Агнесса вспомнила, как несколько лет назад, когда его обида была еще очень свежа и напоминала кровавую рану, он бросил ей в лицо:

— Ты назвала его так, чтобы поиздеваться надо мной? Я должен слышать это имя из твоих уст всю свою жизнь?!

— Это был просто порыв.

Она увидела, как Орвил сжал кулаки, а потом произнес, пожалуй, самые резкие в своей жизни слова:

— Не многовато ли порывов, Агнесса?! Ты же не просто спала со своим Джеком — вы кувыркались в постели! Ладно он, для которого не существовало ни капли морали. Но тебя я считал другой.

Тогда она прорыдала почти всю ночь, но сейчас, вспомнив эти, будто хлещущие по лицу фразы, лишь слегка поморщилась.

— Мне надоело ощущать себя зависимой.

Орвил пожал плечами.

— Тебе прекрасно известно, что я не бедный человек, к тому же не требую от тебя никакого отчета.

— Я не могу всю жизнь нести на себе груз вины. Я желаю отпустить все это и жить дальше.

— Я тоже этого хочу, — искренне произнес Орвил, посмотрел ей в глаза, и Агнесса вдруг ощутила волну полузабытого тепла.

Что это было? Крохотный шаг к примирению? Через семь лет?

— Отказ от содержания ничем тебе не поможет, — добавил мужчина. — Зачем наказывать себя нищетой? Ладно, нам пора домой.

Он снова закрылся, но луч все же блеснул: женщина это почувствовала. Она слишком хорошо помнила его бывшие восхищенные взгляды, его безмерную и вместе с тем такую нежную, оберегающую от всех несчастий любовь.

Пока Джерри разговаривал с Терри, а Агнесса — с Орвиллом, Джек-младший угрюмо сидел в своей комнате. Какое-то время назад он тихонько выходил, чтобы притаиться на лестнице и подслушать, о чем говорят внизу, как делал уже не раз. Джек слышал про щенка, и его грызла обида. Судя по всему, *другой* мальчик получал все, что хотел! Он жил в каком-то несравненно большем, открытом и обеспеченном мире. Подумав об этом, Джек громко крикнул в пространство:

— У меня тоже будет собака!

В этот миг он решил, что непременно встретится с незнакомцем, и это станет его тайной. Он никогда не убегал из дома — его никто не хватится. Мать и Терри подумают, что он играет в саду или в одной из комнат. Комнат было несколько, и далеко не все из них выглядели жилыми, да и в остальных не было ни подушечек, ни салфеточек, ни статуэток. Агнесса не испытывала ни малейшего желания украшать этот дом, тогда как в особняке Орвила осталось много любовно устроенных ею уютных уголков, и ее бывший муж ничего там не трогал и не менял.

Пока мужчина и *другой* мальчик шли по двору к воротам, Джек наблюдал за ними из-за занавески. Теперь до следующей недели время вновь потечет так, как текло без них. Хотя нет. Он надеялся, что с завтрашнего дня в его жизнь войдет приключение. Уже сейчас он ощущал себя намного самостоятельнее и сильнее. Джек решил, что не станет есть пирог, даже если начнут уговаривать и заставлять. Пусть лучше засохнет, чем пробовать его после того, как им уже угостили *другого* мальчишку!

Между тем, когда Орвил и Джерри сели в экипаж, сын вновь спросил у отца:

— Почему мама не может жить с нами? В этом виноват тот мальчик? Джек?

— Другой Джек, не этот, — тихо сказал Орвил, обращаясь скорее к самому себе.

Если бы он захотел все вернуть, смог бы переступить через себя или нет? В отличие от Джека, отца Джека-младшего, которого тот так и не увидел, у него был главный козырь. Жизнь. Иногда Орвил думал о том, что осталось от соперника: скелет на дне океана? Или раздувшийся труп вынесло где-то за много миль на тот берег, где безвестное тело похоронили в безымянной могиле? Иногда Орвилу чудилось, будто тень Джека бродит где-то рядом. Что он торжествуя смотрит из глубин Преисподней, куда, должно быть, угодил, и смеется над ним: «Человек не может исчезнуть так, чтобы после него ничего не осталось. Моя смерть ничего тебе не дала. Все равно по-настоящему Агнесса принадлежит только мне. Потому что любовь, рожденная вопреки здравому смыслу, роковое чувство, которое порой не возвышает, а разрушает и губит, — самое сильное на свете. Истинная любовь — это когда сходят с ума, а не когда считают, что все происходит, как надо».

Глава четвертая

То же утро до поездки к Агнессе

Орвил вошел в столовую первым. Здесь ничего не менялось с тех пор, когда в доме проживали его родители, а может, и деды, и прадеды: массивная мебель, серебро, хрусталь. Нынешний хозяин особняка не придавал большого значения обстановке, поэтому оставил все как есть. Стол был уже накрыт, потому что Орвил никогда никуда не опаздывал: овсянка, вареные яйца, сыр, копченая грудинка, различные тосты. Кофе и чай.

Сегодня субботний день, и дети появятся позже, хотя он был уверен, что Джессика не задержится. Она собиралась на пикник. Девушка вошла минут через пять, и Орвил задержал на ней внимательный взгляд. Выше среднего роста, по-девичьи стройная. Она заплела свои светлые волосы во французскую косу. У Джессики были живые серо-голубые глаза и чудесная улыбка. В отличие от многих других барышень ее круга, в ней не присутствовало ничего искусственного, кукольного. Джессика была на редкость искренней и нередко говорила то, что думает. Хотя местное высшее общество считало, что при всей ее привлекательности в ней маловато аристократических черт, и Орвил соглашался с таким мнением, он же сказал бы, что это придает ей особое очарование. Везде, где бы ни появлялась, она вносила непередаваемый дух свежести, новизны.

Когда Джессика, поздоровавшись, села, налила себе чаю и взяла тост, Орвил спросил:

— Что осталось из осенних мероприятий? Губернаторский бал, благотворительная ярмарка. А еще?

Стояли последние прозрачные, хотя и прохладные, но солнечные дни, когда природа еще не расцвела осенним цветом в полную силу, но уже веет чем-то печальным и отчасти тревожным.

— Спектакль, — напомнила Джессика. — Мисс Пенн сбилась с ног в поисках Джульетты, а девушки уже готовы к большой ссоре.

Орвил отхлебнул крепкий кофе, который обычно пил по утрам, и вопросительно посмотрел на нее.

— О нет, я не в числе претенденток! — рассмеялась Джессика.

— Почему?

— Какая из меня Джульетта? Я не умею играть, потому что не могу притворяться. И ничуть не похожа на итальянку.

— Пожалуй, будь я хотя бы вполовину моложе, мог бы сыграть Ромео, — пошутил черноволосый и кареглазый Орвил и добавил: — Ты незаметно выросла, Джесси, а я постарел.

— Какой ты старик, папа! Ты никогда не постареешь. Для меня — нет.

Она посмотрела на него с такой нежностью и любовью, что у него защемило сердце. Орвил не лукавил, относясь к ней, как к своей дочери. Но его всегда тревожило, что Джессика помнила и будет помнить о том, что она ему не родная. Больше того, плоть от плоти ненавистного ему, хотя и умершего соперника. Орвил не выдержал:

— Джесс! Я сделаю для тебя все, что смогу.

Она опустила глаза и принялась медленно помешивать чай в своей чашке.

— Я хочу учиться живописи, а здесь это невозможно.

Орвил вздохнул. Это была болезненная тема. То, что Джессика прекрасно рисовала, воспринималось обществом всего лишь как некий «домашний талант», лишнее украшение товара на рынке невест. Никто и помыслить не мог, что девушка может видеть в этом смысл своей жизни и стремится заняться этим всерьез. Орвил от всей души желал, чтобы она удачно вышла замуж, и его тревожили прорывающиеся у нее высказывания о том, что ее не привлекает семейная жизнь. Он успокаивал себя тем, что Джессика еще ни в кого не влюблялась, и в то же время

страшился ее влюбленности, потому что она была слишком эмоциональна, открыта, упряма, но в ней же таилась и скрытая уязвимость.

— Ты прекрасно понимаешь, что не можешь уехать куда-то одна.

— Понимаю. И завидую Рэю. Его ты отпустил.

Племянник Орвила, сын его покойной сестры Лилиан, которого он воспитывал с десяти лет, отбыл в Нью-Йорк и сейчас учился в университете. В детстве они с Джессикой враждовали, как кошка с собакой. Но после Орвил стал замечать взгляды, которые повзрослевший Рэй украдкой бросал на девушку, и решил, что их соседство в доме не слишком желательно. Орвил никогда не был уверен в порядочности Рэя, поэтому скорее не отпустил его, а сделал так, чтобы тот уехал.

Он попытался обратить все в шутку:

— Неужели тебе так хочется меня покинуть?

— Я же знаю, что с тобой останется Джеральд.

— Джесс, — промолвил Орвил, вновь становясь сосредоточенным и серьезным, — тебе нужно думать об устройстве своей судьбы в другом смысле. Я не говорю, что сейчас, но в целом.

Она мотнула головой.

— Из меня такая же жена, как и Джульетта. Я же никогда не смогу сказать: «Ах, дорогой!»

«Что мы с ней сделали?» — с горечью подумал Орвил и произнес вслух:

— Любой человек способен на то, о чем даже не подозревает.

Джессика нахмурилась, и Орвил решил, что она восприняла его фразу, как намек на судьбу Агнессы, хотя он имел в виду вовсе не это. И добавил:

— В этом смысле я знаю больше, чем ты. Девушка с твоей внешностью, обаянием и воспитанием не может остаться одна.

— Тебе известно, что я не люблю свою внешность.

— Мне кажется, любая юная леди в этом городе охотно поменялась бы с тобой.

— Я тоже, — ответила Джессика и встала из-за стола.

— Ты почти ничего не съела.

— Я же еду на пикник. Уверена, Рейчел наготовила столько, что и корзину не поднять!

— Кого берешь с собой из прислуги?

— Френсин.

Джессика направилась к выходу из столовой, но потом вдруг остановилась и прикусила губу.

— Наверное, мне нужно было поехать с вами. Мама огорчится.

— Ничего, ты наведишь ее завтра: поедешь после церковной службы. Возможно, это последний пикник, погода вот-вот испортится. Повеселись с подругами, это полезно. И молодые люди там будут.

— Ах, папа, не начинай! — с досадой произнесла девушка, но при этом улыбнулась.

Джессика знала, что он мечтает как можно лучше устроить ее брак. Орвил не ограничивал ее свободу так сильно, как иные отцы, но насчет обязательного участия в светских мероприятиях был непреклонен, даже если это касалось обычного пикника. Джессика не должна избегать общения с девушками и юношами своего возраста из хороших семей: это гарантия того, что ее, несмотря на некоторые щекотливые обстоятельства, будут принимать в светских кругах. В данном случае Орвил умел видеть конечное, ясное, четкое. Но она в силу юности или черт характера не обладала таким даром. Джессика мечтала о чем-то непредсказуемом, необычном и осознанно стремилась только к одному — рисованию. Но именно здесь возникло препятствие, созданное ее полом, возрастом и общественным мнением.

— И вот еще что, — как бы между прочим заметил Орвил, — я думаю, пора свозить вас с Джерри в Европу. Можно начать с Парижа. Так что повторяй французский, Джесс.

Глаза Джессики блеснули.

— С Парижа? Ты хочешь сказать, я увижу Лувр, Нотр-дам и все остальное?!

— Почему нет? — произнес Орвил, довольный тем, что ее лицо ожило, на щеках появился румянец, и она радостно улыбается. — Я ждал, когда Джерри немного подрастет, чтобы и он сумел что-то понять.

Словно ожидая, когда о нем заговорят, сын Орвила и Агнессы вошел в столовую. Он сонно моргал, и его лицо выглядело заспанным. Привычным жестом Джессика взъерошила ему волосы.

— Привет, братишка! А ты хотел бы увидеть Париж?

— Что, прямо сейчас? — пробурчал Джерри, который по утрам нередко пребывал не в духе.

— Нет, не сейчас, а вообще.

— Вообще я готов взглянуть на все что угодно, если это не школа, — ответил мальчик.

— Как раз в Париже ты сможешь с чистой совестью ее прогуливать! — сказала Джессика и звонко расхохоталась.

У Орвила отлегло от сердца. Похоже, утро начиналось хорошо.

— Ладно, папа. Я на кухню, и мы выезжаем. Объясни, пожалуйста, маме.

— Конечно.

Пройдя по коридорам особняка, Джессика дошла до кухни, чтобы узнать, что там с провизией для пикника, и услышала сквозь закрытые двери:

— Моя маленькая мисс должна делать выбор, ехать ли *к ней* или отправиться с подругами на пикник! — Голос принадлежал кухарке Рейчел, всегда относившейся к Джессике чуть не как к собственной дочери. — Продолжать ломать жизнь своего ребенка...

Она не успела закончить, потому что Джессика вошла на кухню. Взгляд ее светлых глаз был холоден, как лед. Остановившись на пороге, она твердо произнесла:

— Каждый, кто скажет хоть одно дурное слово о моей матери, будет немедленно уволен.

При этих словах все испуганно замерли.

— Даже я? — не выдержав, спросила Рейчел.

— Даже ты.

Женщина вздрогнула. Было глупо надеяться, что Джессика навсегда останется добрым наивным ребенком. Юная госпожа не просто повзрослела, в ней появилось что-то стоическое и непреклонное. Она изменилась точно так же, как изменился Орвил Лемб. Однако между Джессикой и удочерившим ее человеком была существенная разница. Если Орвил привычно и умело скрывал свои чувства, словно под некоей непроницаемой маской, то эмоции Джессики легко читались на ее выразительном изменчивом лице.

Глава пятая

Джессика Лемб и любила, и не любила пикники, которые при хорошей погоде и в теплое время года устраивались почти каждую неделю. Ей нравилось вырываться из уютного, привычного, но ограниченного мирка, чувствовать на своем лице свежий ветер, вдыхать запахи природы, особенно весной, когда земля казалась юной, как и она сама. Но и здесь Джессика не могла избежать общества, где завидовали, подглядывали, подслушивали, ехидничали и сплетничали. И она знала, что это почти всегда начиналось еще до ее появления.

Сегодня Джессику поджидали три девушки. Они жили неподалеку и, как и было условлено, заехали за ней. В отличие от Мерилин Коупер и Алисон Кавер, с которыми Джессика подружилась еще в школе, Дженнифер Хейфорд, Синди Мартин и Оливия Броуди не были ее близкими подругами, они просто принадлежали к тому же кругу и были не прочь посудачить о ней. Главное, кто начнет. Дженнифер недолюбливала Джессику, потому что та никогда не принадлежала к ее свите. Но мисс Хейфорд, чье высокомерие было порождено богатством и красотой, хотя живо интересовалась сплетнями, однако не желала опускаться до того, чтобы первой произнести решающее слово. Семья Синди Мартин не так давно переехала в этот город, и девушка была не в курсе некоторых секретов. Поэтому разговор начала Оливия Броуди.

— На прошлой неделе моя мама устраивала прием, и там опять говорили о ней.

Услышав это и сразу поняв, о ком идет речь, Дженнифер приказала кучеру и двум служанкам оставить их и «пойти погулять». Барышни загодя подъехали к особняку Лембов, но экипаж остановили в стороне, с тем чтобы выкроить время для сплетен.

— Это о ком? — спросила Синди.

— Об этой женщине, Агнесе Митчелл, матери Джессики Лемб.

— Я слышала, она сделала... что-то не то?

Дженнифер презрительно фыркнула, но ответила Оливия:

— Легко сказать! Она не принадлежала к высшему обществу, но была из обеспеченной и вполне уважаемой семьи, воспитывалась в пансионе. А когда вышла оттуда, сбежала из дома с каким-то малограмотным парнем, который работал на конном заводе. Кажется, ее отец умер, когда она была маленькой, а мать после позора дочери отреклась от нее. Правда, все это происходило не здесь, а в другом штате. Кажется, в Калифорнии. Потом дружок этой Агнессы стал бандитом, попал в тюрьму, а она родила ребенка.

— Неужели Джессику? — поразились Синди.

— Именно.

— И они не были женаты?

На сей раз ответила Дженнифер, и ее голос прозвучал так, будто речь шла о несмываемом клейме:

— Не были.

— А почему?

Дженнифер усмехнулась.

— Никто не дал бы им разрешения на брак. У него наверняка не было документов. Какой-то уличный проходимец без роду и племени.

— И что потом?

— Она работала то ли посудомойкой, то ли служанкой. Поскольку мать от нее отказалась, она жила в нищете. А после каким-то образом встретила мистера Лемба. Он женился на ней, удочерил Джессику, потом у них родился сын. Мистер Лемб добился того, чтобы эту Агнессу принимали в обществе, и в конце концов к ней стали относиться как к равной. А через несколько лет вдруг объявился ее дружок, который сбежал из тюрьмы, и какое-то время она держалась, а потом вновь закрутила с ним. Его выследила полиция, и он погиб, а Агнесса

родила от него еще одного ребенка. Мистер Лемб развелся с ней, а детей оставил себе. Сейчас она живет где-то в пригороде, и этот благородный человек содержит бывшую жену и ее ублюдка. К счастью, его положение не пострадало, все ему только сочувствовали.

Синди слушала, приоткрыв рот. По ее мнению, у дочери женщины, презревшей все законы и совершившей столько проступков, не могло быть будущего.

— А какая она?

— Я ее видела, но давно. И не помню, как она выглядит, — сказала Дженнифер. — Говорят, она ничуть не красавица, обыкновенная женщина.

— А в кого наша красotka Джесс?

— Я слышала, она *его*копия! — Оливия произнесла эти слова полупрошепотом, будто выдавала страшную тайну.

— Боже, какой позор! — воскликнула Синди, для которой привлекательность Джессики немедленно превратилась в порок. — Бедный мистер Лемб!

Оливия подытожила:

— Все так считают.

Девушки замолчали, обдумывая свой разговор. Все трое были вполне удовлетворены, настроение поднялось, и они теперь уже с нетерпением ждали Джессику. Та появилась в назначенное время, за ней шла служанка с большой корзиной. Джессика сдержанно поздоровалась и села в экипаж. Хотя взоры трех пар глаз были прикованы к ней, она сделала вид, что не догадывается, о чем только что говорили ее мнимые приятельницы.

Воздух дышал осенью, в лицо веяло легкой прохладой. Солнечный свет был не тот, что летом, не такой яркий, а спокойный, задумчивый и печальный. За городом простирались поля и рощи, одинокие, но не унылые. Запряженные в ландо лошади бежали весело и резво, и прогулка обещала быть интересной и приятной. Поляну для пикника выбрали все ту же, и вскоре туда подъехали подруги Джессики, Мерилин Коупер и Алисон Кавер, а также шестеро молодых людей.

Дженнифер Хейфорд снисходительно усмехнулась. Признанная красавица, единственная наследница большого состояния, она не рассматривала местных юношей в качестве женихов. Дженнифер мечтала взлететь повыше: например, подцепить столичного ухажера. Из всех молодых людей, проживающих в этом городе, она, втайне от всех, задумывалась только о Рэймонде Хантере, который получал образование в Нью-Йорке. Он был богат, хорош собой и по иронии судьбы считался кузеном Джессики Лемб, хотя, разумеется, не состоял с ней в кровном родстве. Это обстоятельство хотя и не являлось препятствием, однако все же смущало Дженнифер.

Служанки расстелили скатерти, вынули провизию, которой было более чем достаточно. Окорок, колбасы, сыры, пирожки, белый хлеб, фрукты и овощи, сидр и легкое вино. Болтали и пировали все вместе, только слуги сидели отдельно, но так, что могли слышать, о чем говорят господа, поэтому речь шла преимущественно о пустяках или о том, что много раз обсуждалось. Молодые люди в угоду барышням не заговаривали на серьезные темы. По бросаемым исподволь взглядам было видно, кто кому симпатизирует. Больше всех Джессика нравилась Мэтту Пендлтону, поэтому именно он, чтобы оказаться ее спутником на прогулке, первым вскочил с места. Джессика не возразила. Потому что ей, в общем-то, было без разницы. Она не видела в нем ничего особенного. Мэтт был приятным, милым и вежливым юношей. Словом, таким, как и все остальные.

Воздух потеплел, сквозь расцвеченную осень листву проглядывало чистое небо. Где-то вдаль печально кричали птицы, и колыхалась призрачная дымка горизонта. Плывущие навстречу опустевшие паутинки напоминали тонкое кружево. Мэтт заботливо отстранял ветви деревьев, чтобы Джессика могла без опаски идти вперед. Молодой человек не просто любовался ею, он думал о том необычном, что было в этой девушке. Красивая, но совсем не занос-

чивая, не кокетливая, не насмешливая. С виду открытая, вроде бы ничего из себя не строит и вместе с тем далеко не простая.

— Вы хотели бы как-нибудь прогуляться в парке? — непринужденно произнес он, чтобы начать разговор.

К его удовольствию, Джессика улыбнулась.

— А чем плоха эта прогулка?

— В городском парке красивые цветы. Сейчас как раз распустились поздние розы.

— Что ж, может быть... — Она говорила так, будто думала о чем-то своем, а их беседа была лишь фоном, и он сам — бледной тенью.

Джессика всегда была такой, но это не отталкивало Мэтта, а лишь разжигало его любопытство. Он осторожно произнес:

— Я слышал, вы увлекаетесь рисованием?

— Да, я рисую.

— Для меня было бы честью увидеть ваши работы, мисс Джессика.

Она слегка повела плечами.

— Я никому их не показываю. Простите, но это... слишком личное.

Пару лет назад Джессика в самом деле стала прятать свои рисунки. Возможно, в ее портретах не было должного мастерства, но в них присутствовала сила, которая порой пугала ее саму. Джессике казалось, будто взгляды изображенных ею людей затягивают, словно омут. Она пробовала писать пейзажи, но они выходили пресными, лишенными глубины. А ей претитла обыкновенность, хотя порой она задавалась вопросом: не лучше ли спокойно прожить на одном месте, чем бросаться на поиски приключений?

Когда-то ее мать в одночасье переломила и изменила свою жизнь, а потом погубила надежду что-то исправить. Первый шаг она сделала из-за любви, только вот полюбила не того человека. Воспитанница пансиона для благородных девиц совершила неслыханное: уехала куда глаза глядят, без вещей и без денег, в мужском седле с тем, с кем была готова идти все дальше и дальше, ни о чем не задумываясь, стремясь лишь к тому, чтобы быть рядом с ним.

Они почти не говорили об этом, но Джессика представляла тихую жаркую ночь, шум пока еще близкого океана, испуг, смятение и волнующие мечты своей матери. Мечты, которые с неодолимой силой вели ее вперед и предсказуемо разбились о суровую действительность. Джессика боялась любви и вместе с тем размышляла, доведется ли ей полюбить? Избавит ли ее от жизненных переживаний сознательный отказ от этого чувства, если такое вообще возможно? Орвил, которого она считала своим отцом, не женился повторно не только из-за того, что не желал, чтобы у нее и у Джерри появилась еще и мачеха, но и из боязни вновь рисковать своим сердцем. А может, не сумел избавиться от прежних чувств? За него с радостью пошла бы любая, самая порядочная и честная женщина: об этом было известно не только Джессике, а всему белому свету.

Любила ли ее мать Орвила Лемба? В минуты редких откровений Агнесса говорила, что да. Что она считает свою повторную связь с тем, другим, которого Джессика даже в мыслях никогда не называла своим отцом, ошибкой. Но так ли это было на самом деле? Ее мать понесла наказание, но был наказан и Орвил, причем (в этом мнение Джессики совпадало с мнением общества) совершенно несправедливо. Общество... Ее мать считала, что принадлежавшие к нему люди сами заточили себя в тюрьму косных обычаев, нерушимых правил и догм. «Богатство — это еще не свобода», — когда-то обронила она, женщина, которой несколько лет подряд угрожал голод. Джессика плохо помнила времена своего детства до той поры, пока не очутилась в доме Орвила, потому что ослепительно-яркое прочно заслонило тревожно серое. Пока она не до конца сознавала, что означает быть избавленной от того, от чего страдали и страдают миллионы людей. Ей больше были близки слова Агнессы «хотя моя тарелка всегда будет полна, душа может и оскудеть».

С трудом прервав свои мысли, Джессика вернулась к разговору с Мэттом, но они болтали о пустяках: юноше так и не удалось проникнуть за тот барьер, которым отгораживалась понравившаяся ему девушка.

Обратно Джессика Лемб поехала в экипаже своих подруг, Мерилин Коупер и Алисон Кавер, которые сообщили ей, что на роль Джульетты выбрали Дженнифер Хейфорд.

— Вернее, назначили, — уточнила Мерилин.

Алисон фыркнула.

— Кто бы сомневался!

— Почему бы не она? — сказала Джессика. — Она красива, она брюнетка и...

— Ее родители — столпы нашего общества, и у нее нет таланта, — не дав подруге договорить, закончила Мерилин.

— Посмотрим, как она сыграет, а потом будем обсуждать, — сказала Джессика.

— Ты чересчур снисходительна, Джесс! — упрекнула Алисон.

— Но я же не говорю, что она сыграет хорошо.

— Кто-то в любом случае вскочит с места и начнет аплодировать!

— Но не мы.

— Да, точно не мы!

Потом подруги принялись поддразнивать Джессику по поводу ее прогулки с Мэттом Пендлтоном, и она коротко рассказала, о чем говорила с молодым человеком.

— И эти мальчишки еще жалуются, что мы придираемся, когда говорим, что с ними скучно! — воскликнула Мерилин.

— Да пусть бы с ним было трижды весело, я бы ни за что не согласилась быть миссис Мэттью Пендлтон — каждый раз выговаривать такое! — сказала Алисон.

Троица покатила со смеху, и Джессика подумала, что принадлежать к этому маленькому кружку — это уже счастье, причем гораздо большее, чем быть членом огромного уважаемого общества. Но будь она старше, она бы сказала, что еще лучше быть с кем-то вдвоем и только вдвоем.

Глава шестая

«Мои тайные мысли, словно письма в никуда», думала Агнесса, собираясь ответить на послание матери. С некоторых пор они переписывались, но нерегулярно, потому что писать было, собственно, не о чем, как и потому, что они не были откровенны друг с другом. Лишь в последнем письме Аманды Митчелл Агнесса прочла нечто новое. «Я хочу поговорить с тобой о твоём младшем сыне, — писала Аманда. — Но для этого мне необходимо приехать. Мне кажется, сейчас у тебя есть неплохой шанс вновь сойтись с Орвиллом Лембом, и я хочу тебе помочь». Последняя фраза была неожиданной: мать никогда ни в чем и ничем не желала ей помогать. Что касается Орвила, то Агнесса говорила себе: «Я украла лучшие годы его жизни и вдобавок опустошила душу. Может ли вновь сделать счастливым человека та, которая некогда разбила ему сердце?»

Будто заранее угадав ее мысли, Аманда писала: «Перестань винить себя, Агнесса. Когда-то я пошла по куда более неверной дорожке, чем ты. Меня спасло только замужество с твоим отцом». Это была настоящая откровенность, потому что Аманда никогда не говорила с дочерью о своей тайне, которую не считала постыдной, потому что необходимость порой заменяет судьбу. Уроженка Джорджии, она была фабричной работницей, потом танцовщицей, потом содержанкой. Брак с влюбленным в нее Джеральдом Митчеллом сулил стать счастливым подарком, но вскоре молодой муж трагически погиб. Аманде помогла бездетная тетка, которая держала в Новом Орлеане публичный дом. «Обитель порока» досталась Аманде в наследство, на доходы с нее она и жила. Никто не знал, сколько впоследствии ей пришлось приложить усилий, чтобы скрыть свое прошлое от всех, в том числе и от дочери, которую Аманда отдала в дорогой пансион.

Агнесса вышла из него в семнадцать лет, мечтательной и не знающей жизни. Именно это и привело ее к тому, что свершилось потом, что все считали грехопадением. Была ли она наивной? Да. Импульсивной? Тоже да. Но можно выразиться и по-другому: она просто влюбилась. Агнесса была уверена, больше того, она точно знала, что мать относится к ней так же, как и другие. Ее осуждают, а своего младшего внука не признает. Что же случилось теперь? Аманда была красива, богата, пользовалась вниманием мужчин, но так и не вышла замуж. Вероятно, одиночество все же способно подточить даже каменное сердце. «Приезжайте, — написала Агнесса, хотя толком не знала, о чем пойдет речь.

Терри ушла на рынок, а Агнесса увлеклась письмом и не заметила, как Джек исчез. Собственно, она думала, что мальчик играет в саду. У него была развитая фантазия, и даже в одиночестве он редко скучал. Что-то придумывал, разыгрывал какие-то сценки с воображаемыми персонажами. Он любил и умел пребывать в своем мире, что иногда тревожило Агнессу. Но поскольку кроме нее и Терри Джеку было не с кем общаться, именно это его и спасало. А ее этот ребенок спасал от чувства утраты и его отца, и Орвила, несмотря на то, что порой присутствие мальчика порождало воспоминания, которые жгли душу раскаленным железом. Агнесса закрыла глаза, пытаясь избавиться от навязчивых мыслей, потом снова взялась за перо. Ей не приходило в голову, что сын может ее обманывать и тайком отлучаться из дома, тихонько перелезая через заднюю калитку.

Джек спешил знакомой дорогой по примятой местами, словно измочаленной траве, мимо чахлых кустиков и величавых деревьев. Торопился, не замечая пугающей пустоты пейзажа и осенней мороси низкого, тусклого, точно прикрытого занавесом неба. Бежал туда, где его ждал новый знакомый. Что влекло их друг к другу, Джек не знал. Впрочем, ему не было до этого никакого дела. Так случилось и все. На этом могла быть поставлена точка, если бы только он не обманывал свою мать. Хотя и это было не совсем так: просто она ни о чем не подозревала.

Рэн Эванс ждал на берегу. При виде ребенка его лицо просветлело, и он сказал:
— Пойдем выбирать щенка.

За время недолгого пути к лесопилке Джек буквально не видел дороги: все его внимание поглощали мечты. Позади лесопилки, на краю пустыря стояла большая будка. Когда мужчина погромел стоявшей возле будки миской, из круглого отверстия, повизгивая и оттесняя друг друга, выкатились пять пушистых комочков, при виде которых Джек зашелся от восторга. Все щенки были хороши, как один, и у мальчика разбежались глаза.

— А где их мама? — спросил он, пытаясь одновременно погладить всех пятерых.

— Я увел ее, чтобы она не волновалась. Давай, выбирай.

Ребенок посмотрел ему в глаза.

— Но я могу взять только одного, а как же остальные?

— Не беспокойся, я о них позабочусь, они не пропадут. На лесопилке нужны собаки для охраны, они мне помогают.

— Вы любите животных?

— Да. Особенно собак и лошадей.

— Когда я немного подрасту, попрошу у мамы пони.

— Зачем пони? У них часто бывает скверный характер. Надо сразу начинать ездить на настоящей лошади.

— Но я еще маленький.

— Это не имеет значения. Чем раньше, тем лучше.

— Наверное, мама не сможет купить большую лошадь, — с сомнением произнес Джек.

— И не нужно. Я приведу коня. Я знаю место, где лошадей берут напрокат.

— А я не испугаюсь?

— Я же буду рядом. И всему тебя научу.

Вздыхнув полной грудью, с радостной улыбкой на счастливом лице Джек вновь принялся рассматривать щенков. Один из них, белый с черным, со смешными, напоминающими маленькие конвертики ушами заковылял к нему.

— Вот этого и бери, — подсказал мужчина, и ребенок бережно взял щенка на руки.

— Можно, я назову его Дин?

— Называй, как хочешь, он теперь твой. А теперь пойдем. Ни к чему, чтобы твоя мама волновалась.

Джек вздрогнул и крепче прижал щенка к груди.

— Если она спросит, где я его взял, что мне сказать?

Чуть помедлив, мужчина уверенно произнес:

— Думаю, врать не надо. Скажи ей, что щенка тебе дал я, что меня зовут Рэндалл Эванс, и я работаю на лесопилке. Запомнишь? Там каждый подскажет, где меня можно найти.

— Запомню! — пообещал мальчик, и они направились к его дому.

Как и раньше, мужчина не стал провожать его до самых ворот. Но когда мальчик со щенком на руках скрылся из виду, долго смотрел на стены дома таким взглядом, будто за ними простирался призрачный мир. Или так, как если бы он сам находился в стране, из которой невозможно вернуться назад. Он не знал, что такое точка невозврата, он никогда не слышал таких слов, но ему было хорошо известно состояние, когда нет и не может быть обратной дороги. Долгое время Рэндалл Эванс не знал, чего ищет, все казалось бессмысленным. Ему было нечем, а часто казалось, что и незачем спасаться от самого себя. Сейчас он видел свою цель, но меньше, чем когда-либо владел ситуацией. Мостик, ведущий к желанной цели, был слишком хлипким и ненадежным, Рэндалл шел по нему наощупь. Но было хорошо уже то, что он, наконец, мог двигаться дальше.

Глава седьмая

Джек вошел в дом, замирая от страха. Мальчик не боялся ни матери, ни Терри, но он не мог предугадать, как они отнесутся к его поступку. Ведь он не просто принес домой щенка, ему придется признаться, что он отлучался тайком и говорил с незнакомым человеком. Он столкнулся с матерью на пороге: Агнесса как раз выходила в сад, чтобы поискать сына. Увидев Джека с живым комочком, прижатым к груди, она оперлась рукой о косяк, и ее дыхание участилось. Казалось, она отвыкла даже от таких мелких неожиданностей и перемен. Не выпуская щенка, который начал барахтаться в его руках, ребенок неподвижно стоял и с ожиданием и испугом смотрел на мать.

— Где ты его взял? — глухо произнесла женщина.

— Мне... мне его дали.

— Кто дал?

— Один человек.

— Какой человек? Ты куда-то ходил?

Джек кивнул и облизнул пересохшие губы. Напряжение не отпускало его: только сейчас мальчик окончательно понял, что совершил нечто непростительное. Вместе с тем он ни за что не хотел расставаться ни со щенком, ни с Рэндаллом Эвансом.

— Без разрешения?! И куда?

— На берег озера, где мы познакомились. А потом Рэн повел меня на лесопилку. Там щенки...

— Рэн? Это мальчик?

— Нет, он взрослый.

— Кто он такой? Что ему от тебя надо? — взволнованно произнесла Агнесса.

— Не знаю. — Джек пожал плечами, а затем затараторил так, что слова обгоняли друг друга: — Он сказал, что его зовут Рэндалл Эванс, он работает на лесопилке. Там всякий подскажет, где он живет. Ты можешь пойти и поговорить с ним!

Агнесса молчала в растерянности, и тут послышался голос Терри:

— Думаю, песика надо накормить и соорудить ему уютное гнездышко из тряпок. Пойдем на кухню.

— Я хочу, чтобы Дин жил со мной, в моей комнате! — осмелел мальчик.

— Пусть так, но его миска должна стоять на кухне. Давай его сюда.

Джек не без колебаний отдал щенка Терри, и та направилась туда, где топилась плита и откуда пахло едой. Не зная, что возразить, Агнесса пошла следом. Ей была необходима хотя бы видимость жизненного порядка, но в определенных случаях это было невозможно устроить. Ее мать, Аманда, пыталась режиссировать ее жизнь, но желание дать дочери то, чего не имела она сама, едва столкнувшись с реальностью, разбилось вдребезги. И как она, Агнесса, могла запретить своим детям иметь то, что когда-то было у нее? Сенбернар Керби, спутник самых сложных лет в ее жизни — она до сих пор тосковала о нем. Он жил с ней и старшим Джеком на золотом прииске, а потом с ней и Джессикой. А после остался в доме Орвила, чтобы охранять ее дочь, как всегда охранял ее саму.

— Ты мне разрешаешь? — робко и просительно произнес ее младший сын.

— Хорошо, пусть остается. Но ты должен заботиться о нем. А еще обещать, что больше никогда не уйдешь из дома без моего позволения и не станешь видеться с этим Рэном.

— Но почему?

— Потому что опасно встречаться с незнакомым человеком.

— Но мы знакомы! И с ним не страшно. На меня чуть не напали мальчишки, а он мне помог. Он их прогнал.

— Что он еще обещал тебе и показывал?

Взгляд Джека заметался, мальчик прикусил губу, но потом все же сказал правду:

— Он говорил, что может научить меня ездить на лошади. А показывал свой револьвер. Агнесса вздрогнула.

— Револьвер! Тебе?!

— Барышня, — снова вмешалась Терри, наблюдавшая за щенком, который стоял, растопырив толстые лапки, и жадно лакал предложенную ему похлебку, — не стоит переживать раньше времени. Полагаю, вам стоит разыскать этого человека и поговорить с ним.

Агнесса ничего не ответила, но когда Джек ушел, унося насытившегося щенка, сказала:

— Что я сделала и делаю не так, если мой сын столь сильно потянулся к чужому человеку?

— Он еще мал, он не видел зла от людей, его тянет ко всему новому.

— Я оберегала его, но не учила быть осторожным, — задумчиво промолвила женщина.

— Я понимаю, что вокруг него слишком мало людей, но... Я сама боюсь.

Агнесса могла не говорить, чего она боится. Она выпала из реальности на семь долгих лет, но она понимала, что когда-нибудь эта реальность постучится в ее душу так настойчиво, что двери откроются, а стены рухнут. Однако ей ли было не знать, что кажущееся лучшим может обернуться худшим, а то, от чего ждешь радости, принести горе.

Ближе к вечеру, когда морось прошла, темные пятна облаков растаяли, появилось солнце, и стволы деревьев в саду заблестели, словно из них сочилась смола, приехала Джессика. Агнесса всегда предчувствовала появление дочери и вышла на крыльцо прежде, чем услышала стук копыт. Джессика легко спрыгнула с седла: когда она ехала к матери одна, никогда не брала экипаж. Черная амазонка превосходного сукна, кожаные сапожки, небольшая шляпка с обвивавшей ее невесомой вуалью, тонкие перчатки, изящный дамский хлыст — все это казалось лишь атрибутикой. В отличие от своих подруг, Джессика была равнодушна к вещам и надевала и носила то или иное платье по необходимости, по привычке или в угоду моде.

— Привет, мама! — сказала девушка, когда они с Агнессой разомкнули объятия. — Прости, что не приехала с папой и Джерри, меня позвали на пикник. А сегодня после церковной службы была благотворительная ярмарка. Папа не хотел отпускать меня вечером, но я сказала, что все равно поеду к тебе.

Женщина улыбнулась.

— Тогда оставайся ночевать. Ты хорошо провела время?

— Вполне.

Во взгляде Джессики притаилась загадочность, девушка чуть высунула кончик языка, и мать уже знала, что есть какие-то важные новости.

— Пойдем в дом. Сейчас Терри приготовит чай.

— А где Джек? — живо поинтересовалась Джессика, потому что младший братишка почти всегда встречал ее вместе с матерью. И, к счастью Агнессы, дочь, в отличие от Орвила, не корбило это имя.

— В своей комнате. Принес щенка и не может от него оторваться.

— Вот как! Джерри тоже в восторге от своего фоксхаунда.

— Наш пес, похоже, беспородный.

— Разве это имеет значение?

— Как Джерри? — спросила Агнесса. Они виделись совсем недавно, но она не переставала думать о своем старшем сыне, с которым фактически была разлучена, и Джессика знала, что свидания матери с Джерри были и радостны, и мучительны. Встречаться вновь и вновь, но каждый раз расставаться — что может быть хуже? Разве что не видеться никогда.

— У него все хорошо, только ему не слишком нравится ходить в школу. У них там слишком строгие правила. Ничего, пусть потерпит.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Агнесса, разливая чай. Терри поставила на стол блюдо с пирожками, и женщина обратилась к ней: — Пожалуйста, позови Джека.

— Папа признался, — промолвила Джессика, беря пирожок, — что после того, как завершится осенний сезон, он повезет нас в Париж.

И тут же нахмурилась, подумав о том, что матери этот путь, скорее всего, навсегда заказан, как недоступна никакая светская жизнь.

— Это прекрасно, — спокойно ответила Агнесса. — Там есть что посмотреть.

— Великие полотна. Живые люди и их лица.

Женщина поняла.

— У тебя есть что-то новое?

— Да.

— В цвете?

Джессика кивнула. Минуло время, когда мир для нее словно утратил краски, и ее картины были черно-белыми.

— Покажешь?

— Тебе — да.

Появился Джек, и Джессика принялась болтать с ним и расспрашивать о щенке.

— Он спит, но я покажу его тебе. Его зовут Дин.

— Хорошая кличка. А где ты его взял?

Мальчик нерешительно глянул на мать, но ее лицо не менялось, и, не зная, что говорить, он уклончиво ответил:

— Мне его дали, потому что ему был нужен дом.

— Наверное, больше всего ему был нужен ты, — сказала Джессика, и Агнесса в который раз подумала, насколько умна и тактична ее почти взрослая дочь.

Женщина не стала говорить Джессике о таинственном знакомом Джека, потому что пока не решила, как вести себя дальше.

Глава восьмая

Посреди хаоса из складов, мастерских, бревен и досок стоял высокий, атлетически сложенный человек и громким голосом отдавал распоряжения. Хотя Агнесса сразу почувствовала себя абсолютно лишней в этом мире грубоватых мужчин, не была настроена уходить ни с чем. Подойдя к начальствующему незнакомцу, она смущенно произнесла:

— Добрый день, сэр. Вы случайно не управляющий?

Он посмотрел на нее сверху вниз с таким изумлением, словно никогда в жизни не видел женщин. Но потом довольно вежливо ответил:

— Нет, мэм. Управляющий в конторе. А я старший мастер Николас Шеннон.

— Мистер Шеннон, я бы хотела увидеть человека по имени Рэндалл Эванс. Вы не знаете, есть тут такой?

— Да, он охраняет лесопилку. Он работает по ночам. Сегодня я его не встречал, — сказал мужчина и обратился к проходящему мимо парню: — Эй, Том! Ты не знаешь, где Рэн Эванс?

— Рэнди-брэнди? — весело произнес тот.

Агнесса подалась вперед.

— Что?!

— Я... это... не подумайте ничего плохого, мэм, — заметив ее, парень сконфузился и даже попятился. — Это просто складно. Я его не видел.

— Вы можете сказать, где он живет?

Агнесса заметила, что на нее смотрят со всех сторон, и ей было неловко. Возможно, она была первой женщиной, которая появилась здесь, причем без сопровождения.

— Живет он тут же, на лесопилке. Пойдемте, мэм, я вас провожу, — сказал Николас Шеннон и зашагал по двору такими большими шагами, что женщина едва поспевала за ним.

— Мне он нужен по делу, — выдавила Агнесса и неожиданно спросила: — Вы не знаете, что он за человек?

И получила спокойный ответ:

— Обычный парень. Как все мы.

Проведя свою спутницу по сложному лабиринту переходов между складами и мастерскими (в некоторых из них так визжали пилы, что было невозможно услышать свой голос), Шеннон остановился перед небольшим деревянным строением и показал на одну из дверей.

— Вот тут, — сказал он и добавил чуть громче: — Эй, Рэн, ты там? К тебе леди.

Агнесса смотрела на дверь, как смотрела бы на ящик фокусника. Она ощущала себя так, будто стояла перед входом в склеп или в келью отшельника.

— Мистер Эванс? — нерешительно промолвила она. — Я пришла с вами поговорить.

Ответа не последовало, хотя Агнессе почему-то почудилось, будто в помещении кто-то есть.

— Наверное, он вышел, — предположил Шеннон.

Почувствовав себя обманутой, Агнесса отрывисто произнесла:

— Ладно, я ухожу. Прошу вас, если вы увидите Рэндалла Эванса, скажите ему, что я приду завтра в это же время. Пусть будет на месте.

Прощавшись с Шенноном, она пошла обратно. Агнесса жила в пригороде, и кругом рассыпалось множество низких домишек, виднелись дворы с хозяйственными постройками. Купленный Орвиллом дом был двухэтажным и выделялся своими размерами. Неудивительно, что им могли заинтересоваться подозрительные люди.

Пока она возвращалась домой, размышляя о человеке по имени Рэндалл Эванс, Николас Шеннон вернулся на прежнее место, и к нему подошло несколько работников лесопилки.

— Что здесь надобно этой даме? Зачем она приходила?

— Ясно, не на свидание! А нужен ей Рэн, она же сказала. Вроде как по какому-то делу. Причем она его не знает и, кажется, никогда не видела.

— Может, надо было предупредить дамочку? — поинтересовался кто-то.

— О чем?

— О том, что этот Рэндалл вовсе не так уж прост.

У некоторых мужчин загорелись глаза. По-видимому, им давно хотелось обсудить Эванса.

— Ты же не скажешь, что он плохой человек? Мы его просто не знаем. И потом, зачем вмешиваться? — возмутился кто-то из тех, что был настроен иначе.

— Вот именно! А если он ухлестывает за ней? — вставил парень, напугавший Агнессу словами «Рэнди-брэнди».

— За ней?! Она же леди.

— Есть такие ребята, что им леди-не леди — без разницы.

— Про Рэна я бы такого не сказал: уж очень он нелюдимый. С женщинами не водится, с мужчинами не дружит. Все больше со своими собаками проводит время.

— А еще он будто чего-то боится. Однажды я подошел сзади и тронул его за плечо, так, когда он обернулся, у него был безумный взгляд.

— Однако пока он тут со своими псами, никто не стащит ни единой доски.

— Да что вы привязались к этому Рэну! Нельзя сказать, что он совсем ни с кем не разговаривает. Я видел, как он общается с Кевином Салливаном.

— Ха! Кевин Салливан! Первоклассный врун, картежник и лентяй! Я слышал, когда-то он работал в балагане, но его и оттуда выгнали. К тому же он мать родную продаст за деньги.

— Ну вот что, парни, — произнес Николас Шеннон, самый рассудительный и из них человек, чье слово всегда было веским, — судя по всему, некоторым из вас просто не повезло, что у них нет матерей. Давайте-ка лучше работать, а то вы тут тоже балаган устроили. Мне кажется, среди нас нет ни одного святого человека. И прекратите сплетничать, как женщины. Подумаешь, диковинка — дама на лесопилке! Она сама знает, зачем пришла, и, надеюсь, получит ответ на свои вопросы.

Верная своему обещанию, на следующий день Агнесса вновь появилась на лесопилке. Она заранее решила, что если ей удастся застать Рэндалла Эванса, она не станет миндальничать с этим человеком. Едва ли она сама бы нашла неприметное маленькое строение, поэтому ей снова пришлось воспользоваться помощью рабочих лесопилки. Постучав, она сразу услышала:

— Войдите.

Агнесса слегка толкнула дверь и несмело вошла. Человек, с которым она хотела поговорить, сидел на узкой деревянной кровати и настороженно смотрел на нее. На вид ему было лет тридцать пять: темно-каштановые волосы, светло-карие глаза. И не такое грубое лицо, как у большинства здешних мужчин. Агнесса прикинула, не встречала ли она его когда-либо прежде, и решила, что нет. Это был чужой, незнакомый мужчина. Обстановка тесной комнатки была очень скромной: кроме кровати, один-единственный старый стул, а столом служил ящик. Агнесса обратила внимание, что на нем лежат какие-то книги. Ни шкафа, ни сундука: у обитателя этого жилища словно и не было никаких вещей. Словом, вопиющая бедность. Мужчина едва заметно кивнул на стул, и Агнесса села, машинально расправив складки платья, после чего нервно сцепила кисти рук в замок и опустила их на колени.

— Сэр...

— Лучше без этого. Я вас слушаю.

Она постаралась взять себя в руки. Агнесса ощущала себя до боли неудобно в этой обшарпанной комнате, наедине с чужим человеком, который видел в ее сыне нечто совершенно отдельное от нее самой.

— Вы встречались с моим сыном. Я бы хотела узнать, зачем это вам?

Он смотрел на нее, как ей показалось, без всякого выражения.

— Это так важно?

Ее глаза потемнели, и она сжала губы. Судя по всему, Рэндалл Эванс был наглецом, каких еще поискать!

— Он мой сын! Почему вы его приманиваете?

Мужчина молчал. Казалось, он не знает, что сказать.

— Вас зовут Рэндалл?

— Да. Рэндалл Эванс.

— Можно посмотреть ваши документы?

— У меня их нет.

— Нет? Но...

Он не дал ей досказать:

— Они были уничтожены во время... несчастного случая. А потом мне было не до того, чтобы их восстанавливать.

— Что вам нужно от моего ребенка? — повторила Агнесса.

— Ничего. Просто он напоминает мне моего сына.

Неожиданный ответ поразил ее, сбил с толку.

— Вашего сына?

— Да.

— А как его зовут? — с замиранием сердца спросила она.

— Звали. Так же, как и вашего.

— А сколько ему... было лет?

— Столько же.

Было ли это правдой, могла ли она ему верить? Агнессе почудилось, будто в ее сердце воткнули гвоздь. Именно что-то железное, грубое. У нее перехватило дыхание. Она испытывала странные, живые, казалось, давно поблекшие чувства, сейчас извлеченные из потаенных глубин. Она не рискнула спросить, что случилось с сыном этого мужчины, и только сказала:

— Я волнуюсь за Джека.

— Обещаю, что не сделаю ему ничего плохого. Я очень прошу, чтобы вы позволили мне видиться с ним. Долго объяснять, зачем мне это, но... это так.

— Чем вы занимаетесь?

— Охраняю лесопилку.

— Вы давно здесь работаете?

— Нет.

— Что вы делали прежде? — натянуто спросила она. На самом деле ответ Рэндалла Эванса едва ли мог приоткрыть завесу над его прошлым.

— Ухаживал за лошадьми.

Она вздрогнула, как, наверное, вздрогнул он, услышав имя ее сына, и все остальное вылетело у нее из головы. Агнесса вспомнила все то невероятное, невозможное, необъяснимое, что заставило ее бежать от благополучной жизни с парнем, с которым на первый взгляд они были далеки, как луна от земли. Не объяснимое ничем, кроме того, что зовется любовью. Потом был Орвил — попытка вернуться на землю. А после — снова Джек, но это были не небеса, всего лишь пытка, очередная пытка чувствами. После которой, мучительной и долгой, она потеряла почти все. Как прежде потерял он, а после любовь к ней привела его уже не просто к падению, а к гибели. И этот ее неприкаянный, несчастный сын, плод ошибки, Джек и сын Джека, был никому не нужен. Никому, кроме нее. А от этого страдал и другой, которого она любила не меньше. Чувствам нельзя дать оценку. Они или есть, или их нет, они, как бурлящее, беспрестанно меняющееся море. Долгое время она думала, что это море замерзло, но оказалось,

нет. Существуют некие подводные течения, которые не замирают никогда. Отогнав ненужные мысли, Агнесса сказала:

— Зачем вы показывали моему сыну револьвер?

Рэндалл Эванс слегка растерялся, будто не ожидал такого вопроса.

— По-моему, все мальчишки интересуются оружием.

— Но это опасно! Джек еще слишком мал.

— Извините, мэм, больше такое не повторится. А револьвер не был заряжен.

— Это ничего не меняет. Идею с собакой я тоже не могу назвать удачной. Вы должны были спросить меня.

— Но ведь вы оставили щенка?

— А что мне оставалось делать?

Он изучающе смотрел на нее. Агнессе казалось, он хочет, чтобы она поскорее ушла.

— Так вы позволите мне видаться с вашим сыном? — нетерпеливо произнес Рэндалл.

— Только в моем присутствии.

Его губы чуть дрогнули.

— А что подумают люди? Вы же не хотите, чтобы кто-то решил, будто вы встречаетесь со мной?

Лицо Агнессы порозовело. Он был прав: такая мысль не пришла ей в голову.

— Я подумаю, — промолвила она, вставая. — А потом сообщу вам.

— Я не всегда бываю на месте, — торопливо произнес он. — К тому же управляющий злит, когда сюда приходят посторонние.

— Я найду другой способ.

— Хорошо, мэм.

— До свидания, мистер Эванс. Я благодарна вам за то, что вы выручили моего сына, когда на него напали мальчишки, но остальное мне не слишком нравится.

Он промолчал и не поднялся с места, чтобы проводить ее до дверей. Агнесса вышла на улицу с тягостным чувством. Этот человек не внушал явной опасности, но во всей ситуации было что-то странное. Он вел себя сдержанно, держался отстраненно, но мужчины часто бывают такими. Он упомянул о несчастном случае. Из его слов можно было заключить, что он потерял сына. Он сообщил об этом спокойно, однако порой горечь того, что пришлось изведать, притупляется видимым безразличием.

Сквозь серое осеннее марево слабо мерцало солнце, ветер поднимал и нес над землей пыль, под ногами мягко хрустели золотистые опилки. Приятно пахло свежим деревом, зато уши резал доносящийся со всех сторон металлический визг. Агнессе хотелось поскорее покинуть это место, где были одни мужчины, которые смотрели на нее с явной подозрительностью, но вместо этого она повернулась и направилась к конторе управляющего лесопилкой. Ей повезло: там был только он. Управляющий вытаращил на нее глаза, как и Николас Шеннон: очевидно, дамы не часто переступали порог его владений. Он тоже был не из тех, кто встает, если в помещение вошла женщина, но это не смутило Агнессу. Немало лет своей жизни она провела среди простых, не обремененных манерами людей.

— Добрый день, сэр, — сказала она, хотя этот день вовсе не был добрым, скорее тревожным. — Могу я с вами поговорить?

— О чем?

Агнесса подошла ближе.

— О Рэндалле Эвансе.

Лицо управляющего потемнело.

— Что он натворил?

Вероятно, в его представлении говорить о человеке можно было только тогда, когда он ведет себя не хорошо, а плохо.

— Ничего, — поспешила успокоить Агнесса. — Наоборот, он помог моему сыну.

— Так вы хотите его поблагодарить?

— Я хочу узнать, что он за человек.

Управляющий смотрел на нее с интересом.

— Это мне неизвестно.

— Но ведь он работает у вас.

— Ну и что? Доски при нем не воруют, он не шляется пьяным, вроде никого не задирает.

А что еще надо?

— Он говорит, что у него нет документов.

Управляющий облегченно потянулся.

— У половины здешних людей нет документов. И визитных карточек тоже нет. Фамилия Эванс есть в ведомости — мне этого достаточно, ему тоже. Если сделает что-то не то, выгоню вон, если стащат доски, заставлю возместить убытки. Тут и каторжники работали, и бродяги, да кто попало! А что насчет их историй? У любого спроси, такого наговорят! Мне неинтересно их слушать, да и времени в обрез.

— Почему он живет на лесопилке?

— А ему негде жить. Была свободная комнатуха, я и отдал ее ему.

— Откуда он пришел? Где работал прежде? Есть ли у него семья? В его жизни случалась какая-то трагедия?

— Были бы вы мужчиной, вам бы в полиции служить! Повторяю, мэм, я не спрашивал. Живет он один, и у него нет ни гроша за душой — вот и все, что я знаю.

— Что ж, спасибо. И повторяю, он ничего плохого не сделал.

Управляющий кивнул и заметил:

— И все-таки, если не трудно, скажите ему, чтобы он сюда заглянул.

Это было почти откровенное хамство. Тем более управляющий так и не поднялся со стула, а Агнесса продолжала стоять перед ним. Но она решила, что сама загнала себя в такую ситуацию. Она вышла, не промолвив ни слова, а проходя мимо сараюшки (иначе ее нельзя было назвать), в которой обитал странный знакомый ее сына, постучала в дверь.

— Мистер Эванс! Вас хочет видеть управляющий. Я на вас не жаловалась, просто хотела подробнее узнать, кто вы такой.

Ответом послужило молчание. Выждав с минуту, Агнесса направилась к воротам. Когда женщина скрылась из виду, из-за угла вышел человек и направился к конторе управляющего. У него было застывшее, словно окаменевшее выражение лица, но полный боли и обреченности взгляд, который постепенно сменялся жестким и холодным.

— Звали? — спросил он, переступив порог конторы.

— Да, звали. Сэр.

— Звали, сэр?

Управляющий слегка стукнул кулаком по столу.

— Послушай, у нас тут хватает проблем без каких-то дамочек! Если ей что-то от тебя надо, а тебе — от нее, выясняй за забором, иначе рано или поздно именно там и окажешься! А то вдруг невзначай явится полиция и скажет, что кто-то что-то тут натворил! Ты меня понял?

— Понял, — ответил Рэндалл Эванс, но при этом чуть заметно усмехнулся, и глаза его оставались холодными.

Управляющий вскипел. При этом он не стал кричать, он подался вперед и прошипел:

— Ничего ты не понял! Когда ты сюда пришел, мне сразу стало ясно: этому парню в чем-то сильно не повезло. Я взял тебя на работу, потому как видел, что тебе без нее полная крышка! Я позволил тебе жить на лесопилке. Помни, что таких, как ты, у меня в сто раз больше, чем центов в долларе. Тебе ясно?

— Ясно, сэр.

— И когда говоришь «сэр», произноси это слово не сквозь зубы, а как положено.

— Да. Сэр.

— Теперь иди. Хотя постой. Ребята считают тебя темной лошадкой.

— Я ничего плохого не делаю.

— Но и хорошего от тебя тоже никто не ждет. Ты сломанный человек, Эванс. Не сказать, чтобы конченный, но сломанный — это точно.

Собеседник управляющего на мгновение опустил голову, но потом внезапно вскинул взгляд.

— Это мы еще посмотрим, — резко произнес он и, не прощаясь, вышел за дверь.

Глава девятая

Агнесса медленно шла по дороге под мрачным, нависавшим над головой небом. Солнце в одночасье скрылось, и пейзаж сразу переменился. Осенний ветер раскачивал верхушки деревьев, гнал по земле листву, поднимал пыль. По обочинам дороги топорщились сухие жесткие травинки, напоминающие маленькие сабли. Женщина ощущала, как ее охватывает тяжелое чувство, пригибает, клонит вниз. Жизнь утратила размеренность и порядок, и Агнесса понимала, что не успокоится, пока все не выяснит. Внезапно она решила: сейчас или никогда. И направилась к стоянке экипажей.

— В центр города, в полицейское управление, — сказала она, устроившись на сидении.

Когда она въехала туда, где не появлялась вот уже много лет, воспоминания обступили ее со всех сторон. Ей казалось, будто она слышит биение сердца города, города, который выбросил ее из этой бурлящей жизни и позволил поселиться лишь на его задворках. Экипаж был закрытым, и Агнесса глядела из-за занавески, не боясь быть увиденной и узнанной, но дело было не в этом, а в том, что ее душа в этот миг представляла собой открытую рану. Где-то здесь ее сын ходил в школу, а Джессика — в гости к подругам. В этом городе бывшие приятельницы посещали магазины, рестораны, театры и сплетничали о ней или... Напротив, давно позабыли Агнессу Митчелл.

Попросив кучера подождать, женщина поднялась на крыльцо полицейского управления. Ей было тяжело переступить этот порог — в последний раз полиция допрашивала ее восемь лет назад, в Калифорнии, где ей пришлось рассказывать и объяснять, почему и как получилось, что она жила с беглым преступником. А в то время, как она говорила, этот преступник уже погрузился в вечный мрак смерти. Женщина спросила у дежурного, куда ей пройти. На удачу, людей в коридорах было мало, и она почти сразу очутилась в кабинете сержанта, первым встречавшего посетителей и принимавшего заявления.

— Сержант Картрайт. Присаживайтесь, мэм. Как ваше имя? Что привело вас сюда?

Агнесса села. Она чувствовала, как вспотели ладони, но это больше это было из-за воспоминаний, чем по причине настоящих событий. Женщина напомнила себе, что она не преступница и просто желает кое-что узнать.

— Агнесса Митчелл. Я хотела спросить, нет ли у вас каких-либо сведений о человеке, которого зовут Рэндалл Эванс?

Записав ее имя на листочке бумаги, полицейский склонил голову набок.

— Кто это такой? И зачем вам о нем знать?

— Мой... новый сосед. Я живу вдвоем с маленьким сыном, а этот мужчина недавно поселился неподалеку. Он проявляет к нам какой-то странный интерес. Этот человек кажется мне подозрительным. Я пыталась его расспрашивать, но он почти ничего не говорит, я только поняла, что в его жизни произошло какое-то несчастье.

— Если он ничего не совершал, вряд ли у нас есть какие-то записи, а если был несчастный случай... Оставьте заявление, мэм, и приезжайте через месяц.

— Месяц — это очень долго, не могли бы вы посмотреть сейчас? Поверьте, это очень важно для меня.

— А что за несчастный случай, не знаете? Когда и где он произошел?

— Думаю, в этом городе. Наверное, не так давно. Посмотрите за прошлый год.

В глазах сержанта промелькнуло выражение досады. Он явно считал, что женщина напрасно волнуется, что она зря явилась сюда и лишь отнимает время. Однако во взгляде и голосе Агнессы было что-то, заставившее его подойти к заваленным папками стеллажам и начать рыться в многочисленных бумагах. Женщина терпеливо ждала, разглядывая сучки на поверхности деревянного стола и думая о том, что едва ли получит ответ на свои вопросы.

Сержант вываливал на стол папку за папкой и, уже не сдерживаясь, чертыхался сквозь зубы. Наконец раскрыл какой-то пухлый том, полистал и, громко чихнув от пыли, удовлетворенно произнес:

— Здесь собраны сведения о несчастных случаях за прошлый год. Рэндалл Эванс, да есть такой. Тридцать шесть лет, белый, уроженец нашего штата. — Сержант поднял глаза на Агнессу. — В его жизни в самом деле произошло несчастье. Я бы даже сказал, трагедия.

У женщины захолонуло сердце, и она невольно содрогнулась.

— Какая?

— Его дом загорелся, когда он был на работе. В огне погибли жена Эванса, Доротея, и двое детей, Меганн и Сэмюэл. Тут станешь странным!

— Сэмюэл? — переспросила Агнесса.

— Так звали его сына. Ему было шесть лет.

Возраст совпадал, а имя — нет. Почему? Эванс солгал ей? Зачем?

— Имя мальчика указано верно?

Сержант пожал плечами.

— Думаю, да. Едва ли тут могла закрасться ошибка.

— Я вам очень благодарна, — сказала Агнесса, вставая. — Мне жаль этого человека, не говоря о его семье. А где он работал, когда это произошло?

— Здесь записано «частная конюшня мистера Хартмана». Довольно известное заведение. Я могу дать вам адрес, если вы не знаете, где это.

— Да, пожалуйста.

Еще раз поблагодарив, Агнесса вышла на улицу. У нее было большое желание назвать другой адрес, тот, куда ей заказан путь. Но однажды она уже получила беспощадный урок в тот день, когда ей принесли записку от Орвила, где было сказано, что Джерри (на тот момент ему было шесть) заболел корью, а потому еженедельный визит откладывается. Оставив тогда еще совсем маленького Джека на попечение Терри, Агнесса взяла экипаж и поехала в город, изнывая от тревоги, но ее не пустили даже в ворота. На улицу вышла Френсин, нынешняя горничная Джессики, а на тот момент няня Джерри, и, отводя глаза, сказала, что мальчику лучше, он скоро поправится, а Агнесе велено возвращаться обратно. В те минуты она почувствовала себя окончательно отринутой и бывшей семьей, и обществом, и даже Богом, затерянной на самом дне земного чистилища. На ее плечи опустился немыслимый гнет, она в полном смысле слова ощутила себя раздавленной. Она стояла с сухими глазами, тогда как сердце обливалось кровью, а душа была словно изодрана в клочья. Ее не пустили к собственному сыну, который был болен, возможно, даже опасно болен и наверняка ждал свою мать. По ее мнению, то был карательный акт, в котором не было человечности. В тот день она вновь столкнулась с обратной стороной любви.

Очнувшись от воспоминаний, Агнесса дала кучеру адрес конюшни. На сей раз она задернула занавески и не смотрела на улицы. Что-то внутри сжалось в плотный комок, и вместе с тем в ней пробудилось прежнее суровое бесстрашие перед жизненными невзгодами, пусть и не имеющими общего с бедностью или телесными болезнями.

Конюшня была большой, здесь привычно пахло навозом и сеном, слышалось конское ржание и перестук копыт, беззлобное переругивание работников. Агнесса подумала о том, что не садилась на лошадь больше семи лет. Она многого не делала уже очень давно. Не играла на пианино, хотя нотная тетрадь матери Орвила, которую он ей некогда подарил, до сих пор была у нее. Не спала с мужчиной. Ее провели к старшему конюху, который, подумав, что дама желает заказать конную прогулку, принялся расхваливать своих питомцев.

— Нет-нет, — сказала Агнесса, — я по другому поводу. Не подскажите, работал ли здесь мужчина по имени Рэндалл Эванс?

Старший конюх слегка нахмурился.

— Да, мэм, но только теперь его тут нет.

— Я знаю. Это мой новый сосед, и мне бы очень хотелось узнать, что он за человек. Мне известно, что в его жизни случилась большая трагедия, и не могли бы вы сказать, каким он был... до этого.

— Обычный парень, работающий, спокойный. С лошадьми у него хорошо получалось.

— Когда произошел несчастный случай, он был на конюшне, не так ли?

Мужчина вздохнул.

— Да. А когда пришел домой, там осталось одно пепелище и головешки. Тут впору сойти с ума.

— Он продолжал здесь работать?

— Недолго. Его мучили воспоминания — сами понимаете. Он сделался нервным, а животные этого не любят. После я его не видел. А вы, стало быть, знаете, где он теперь?

— Он устроился на лесопилку. Живет один.

Мужчина удовлетворенно кивнул.

— Вы не знаете, как звали его детей? — осторожно спросила Агнесса. — Он вам не говорил?

— Может, и говорил, да я не помню.

— А как он выглядел?

— Рэндалл? — удивился старший конюх. — Я же сказал, обычный парень.

— Сколько ему было лет?

— Думаю, тридцать с чем-то.

— Глаза и волосы какого цвета?

Мужчина переступил с ноги на ногу.

— Ох, леди! Не помню я его глаз! Волосы точно не черные и не белые — что-то среднее.

Агнессу немного отпустило. Наверное, Рэндалл Эванс солгал про имя сына, для того, чтобы она прониклась к нему большим сочувствием. Это неожиданное путешествие измотало ее, выбило из колеи. Она поняла, как долго жила, будто в тумане, не видя дороги, не предпринимая решительных действий. Очутившись в доме, она прошла на кухню и присела к столу, даже не переменив запыхавшееся платье.

— Что-то вы долго, барышня, я уже начала тревожиться! — сказала Терри и спросила: — Вы, наверное, голодны?

— Нет, я хочу только кофе, — устало произнесла Агнесса.

— Сейчас сварю.

Пока Терри варила кофе, Агнесса без всякого выражения, будто нехотя, рассказала ей о встрече с Рэндаллом Эвансом, о поездке в полицейский участок и на конюшню. Она почти ничего не скрывала от Терри и ценила ее мнение. Пусть та не была образованной, однако обладала проницательностью, умела наблюдать и делать верные выводы.

— Я тоже видела этого человека, барышня, — тоже как бы между прочим сообщила Терри, ставя перед Агнессой чашку.

Женщина подняла на нее изумленный взгляд.

— Кого? Эванса?

— Да.

— Он что, приходил сюда?!

— Нет-нет. — Терри налила кофе себе и села. — Вы ушли, а я возилась на кухне. Потом поднялась наверх, а Джека нет. Поискала его во дворе — тоже нету. Тогда я пошла на берег, и он оказался там в компании этого самого Эванса.

Агнессе вновь почудилось, будто некая гигантская волна сбила ее с ног, что происходило довольно часто в последние дни.

— Где Джек?!

— В своей комнате. Я его отругала.

Нетронутый кофе остывал. Молодая женщина молчала, пока ее сердцебиение немного не замедлилось.

— И что Эванс?

Терри не смотрела на Агнессу, она пристально разглядывала щербинку на своей чашке.

— Не знаю. Я пришла, они были вдвоем, стояли у воды, о чем-то разговаривали. Джек держал на руках щенка. Увидев меня, этот мужчина отшатнулся и, как мне показалось, испугался. Словно думал, будто я тотчас побегу в полицию.

— Он тебе что-то сказал?

— Ничего. Все мои слова разбивались о его молчание, словно о стенку. Он все время отводил взгляд и отворачивался, но однажды все-таки посмотрел на меня...

Терри сделала выразительную паузу.

— И... что? — испуганно спросила Агнесса.

— У него были странные глаза. Не пустые, нет, а... В общем, сложно сказать. Мне показалось, будто этот человек познал то, что и не снилось всем нам. Или сам стоял на грани смерти, или пережил гибель близких. Оказалось, я не ошиблась.

Агнесса задумалась. В ее жизни произошло много страшного, непоправимого, того, что ее не сломило, однако заставило приспособиться ко многим нежеланным вещам.

— А еще мне кажется, я его где-то видела, — озадаченно продолжила Терри.

Агнесса встрепенулась.

— Давно?

— В том-то и дело, что нет. Какое-то странное чувство, когда ты точно знаешь, что это чужой человек, и в то же время его лицо кажется тебе знакомым.

— Ты же ходишь за покупками. Еще куда-то...

— Да, наверное. Только думается, этот человек избегает людных мест. Он будто прячется от кого-то или от чего-то.

— Тебе не показалось, будто в нем есть что-то неприятное? — спросила Агнесса, подумав о своих впечатлениях. У нее было чувство, будто что-то не сходится, но она никак не могла понять, что именно.

— Скорее, непонятное.

— А как вел себя Джек?

— С этим мужчиной? Он не хотел уходить — они буквально льнули друг к другу. Какое-то время я наблюдала за ними со стороны, — ответила женщина и со вздохом подытожила: — Мне кажется, мы чего-то не понимаем.

— Или не знаем. Я пойду к сыну. — Агнесса встала из-за стола. — Спасибо, Терри. Мне надо с ним поговорить.

— Не лучше ли рассказать обо всем мистеру Лембу? Он умный человек и способен дать совет. К тому же у него много связей, и ему не составит труда узнать, что представляет собой этот Рэндалл.

Агнесса покачала головой.

— Орвил ни за что не станет вникать в то, что касается Джека. Если он однажды произнес «никогда», то не нарушит своего слова. В лучшем случае скажет, что я сама во всем виновата.

Молодая женщина поднялась вверх. Ребенок сидел, явно ожидая ее: она поняла это по тому, как он встрепенулся.

— Ну, — устало произнесла Агнесса, — что ты натворил?

Глаза мальчика забежали, а лицо покрылось красными пятнами.

— Ничего...

— Стоило мне уйти из дома, а Терри заняться делами, как ты снова сбежал на берег!

— Рэн ждал меня...

— Почему ты называешь взрослого человека просто по имени?

— Когда я сказал ему «мистер», он ответил, что к нему так никто никогда не обращался.

— И это плохо!

— Почему?

— Мистером называют приличных людей.

— А он какой?

— Этого мы как раз и не знаем. Он кажется тебе хорошим, но, возможно, он притворяется.

В целом ребенок понимал разницу, о которой говорила мать. Мистером был мужчина, который привозил в дом *другого* мальчика. И это не добавляло ему привлекательности. Хотя молодая женщина смертельно устала от Эванса, которому посвятила целый день, она еще немного поговорила о нем с Джеком. Она заметила, что после ее слов мальчик избегает как-либо называть своего взрослого друга и говорит о нем просто «он». Но ее не оставляло чувство, будто в душе Джека этот мужчина занимает прежнее прочное место. Агнесса прикусила губу. Ей вновь почудилось, что она ничего не выяснила. Увидела оболочку, но суть от нее ускользнула. Неким вроде простым, но на самом деле изощренным способом спряталась в тень. А проще сказать, ее каким-то образом провели. Агнесса привлекла ребенка к себе и прижала к сердцу.

— Пойми, Джек, я за тебя волнуюсь! Ты мне очень и очень дорог!

Ребенок замер. Слушая стук материнского сердца, вдыхая ее привычный запах, он задавался вопросом: есть ли в эти мгновения в ней чувства к *другому* мальчику? А когда поверил, что нет, крепко обнял ее и облегченно вздохнул.

Глава одиннадцатая

Агнесса проснулась на заре с мыслью о том, что ее ждет еще один день, столь же похожий на все предыдущие. Иногда в такие минуты ей хотелось выйти из дома, никому ничего не говоря, не собрав никаких вещей, пойти на станцию, сесть в поезд и уехать в новую жизнь. И пусть бы колеса пели ей песню, а с опустевших осенних пространств долетало еле слышное эхо. И тучи на горизонте казались горами. Но она не могла — прошлое было камнем на ее шее, и ей казалось, что она никогда не сдвинется с места. Жизнь... Все что-то делали, строили планы. Почему она не могла стать свободной? Потому, что быть свободным — это не отвечать ни за кого и ни за что.

Агнессу встревожили необычные звуки: Терри отпирала кому-то калитку. Молочник обычно не стучался, а просто каждое утро в одно и то же время оставлял у ворот молоко, а ночной сторож уходил, как только занимался рассвет. Одевшись, женщина спустилась вниз. Терри стояла на пороге и озадаченно вертела в руках какой-то конверт. У Агнессы дрогнуло сердце. Ее нервы были напряжены до предела, в висках стучала кровь.

— Это кому?

Терри подняла глаза.

— Вам.

— От кого?

— Тут не написано.

— А кто передал?

— Почтальон. Сказал, какой-то мужчина остановил его на улице и попросил занести.

Агнесса взяла конверт, на котором незнакомым почерком было выведено «Мисс Митчелл». Что было в нем заключено, какая часть ее судьбы? Никакие послания никогда не приносили ей ничего хорошего. Какой-то счет? Но она ничего не заказывала. А всеми документами ведал Орвил. Нож для разрезания конвертов был наверху, и Агнесса поднялась к себе. Вытащив маленький листок, она села и, подождав с минуту, развернула: он оказался исписан ровным аккуратным почерком. Взяв себя в руки, Агнесса прочла:

«Мисс Митчелл! Вчера я был невежлив с Вами, простите. После того, что случилось в моей жизни, я пока не очень могу и умею общаться с людьми. Прогулки с Вашим сыном — единственное, что поддерживает меня на плаву. С надеждой на Ваше понимание и милосердие, Р. Эванс».

Похоже, он имел безоговорочное намерение войти в их жизнь, отчего Агнесса испытала невольное раздражение: ей казалось, будто ее преследуют. С другой стороны, кто-то и когда-то должен был нарушить мнимое благополучие искусственно созданного пространства, где все они словно ходили по тонкому льду. Орвил отказывал себе в личной жизни, Джеральд терзался догадками. Джессика изо всех сил поддерживала равновесие двух миров, принося в жертву часть своей девичьей души. А время младшего сына Агнессы просто еще не пришло. Иногда она с болью в сердце ждала, когда он начнет спрашивать о том, почему они живут так, а не иначе. А потом задаст два самых главных и страшных вопроса: «Кто мой отец и где он?»

Агнесса уронила руки на колени. В чем-то Джек был весьма развитым мальчиком, а в чем-то нет. Он рано научился читать и писать, но ничего не знал о человеческих отношениях. Она будто умышленно сдерживала его стремление познать эту сторону жизни. Потому что страшилась последствий. Она подумала о чьей-то ревности и гордости, способных вершить судьбы. О семилетнем отрешенном молчании Орвила, потому что даже когда он говорил, создавалось впечатление, будто он говорит не с ней. Джека-младшего он вовсе не видел, не замечал. Могла ли она винить его в этом?

Агнесса слышала, как Джек прыгает в своей комнате и кричит «Дин, Дин!» Словно звенел маленький колокольчик. Купленный Орвилем дом был старым, и полы скрипели. Разные семьи живут по-разному, но ее младший сын этого не знал. Он не имел представления о том, в каком огромном особняке, в какой роскоши обитают его сестра и единокровный брат. Оставив письмо, Агнесса спустилась на кухню. Терри вынимала из печи булочки.

— Будете, барышня?

— Да, — рассеянно ответила Агнесса, и Терри покачала головой.

— Еда должна доставлять удовольствие, а вы не видите в ней радости.

— Ты очень хорошо готовишь, Терри.

— Так-то оно так, но...

Терри умолкла, словно в замешательстве, и Агнесса решила, что женщина хочет узнать, от кого письмо.

— Записку передали от того самого Эванса.

Терри со стуком поставила противень на кухонный стол.

— О чем он пишет?

— О том же самом. Извиняется и просит позволить встречаться с Джеком.

— Что вы намерены делать?

— Еще не решила. Мне не нравится, что Джек привязывается к нему, тогда как для Эванса встречи моим сыном всего лишь средство, позволяющее забыть о своем горе. Ведь чужой ребенок никогда не заменит собственного, — сказала Агнесса и добавила: — Кстати, недавно я получила послание от матери. Она пишет, что хочет приехать.

— Зачем? — спросила Терри, и это было самое точное слово. Ей ли было не знать Аманду Митчелл, в чьем доме она прослужила много лет, женщину, которая долгое, слишком долгое время жила лишь для себя.

— Не знаю, — ответила Агнесса.

Она в самом деле не знала, стоит ли придавать значение словам Аманды об Орвиле и о желании помочь. Не знала, потому что не верила.

— Я слышала, Джессика говорила, Джерри не нравится ходить в школу? — видя замешательство своей барышни, Терри сменила тему.

— Я считаю, это не лень, просто он обогнал своих сверстников и ему скучно. Джерри все схватывает на лету.

На самом деле она подозревала, да и Джессика говорила о том, что там слишком много запретов и правил.

— У вас умные дети.

Агнесса усмехнулась.

— Да, но моя ли в этом заслуга?

— А что Джек?

Агнесса поняла, что имеет в виду Терри.

— Это может быть только домашнее обучение. Я научила его азам, но я многого не знаю. Я собираюсь подать объявление в газету. Возможно, найдется подходящий человек. И лучше, чтобы он ничего обо мне не слышал.

— Наверное, нужно написать в небольшую газету, которую не читают в обществе.

— Да. Такое объявление может привлечь нежелательных людей, но у меня нет другого выхода.

— Вам нужен молодой человек или в возрасте?

— Все равно. Лишь бы он устроил меня и моего сына.

— Было бы хорошо, если бы занятия отвлекли Джека от мистера Эванса.

— Который не хочет, чтобы его называли мистером. Да. Об этом я не подумала.

— Вы скажете мистеру Лембу?

Агнесса помотала головой.

— Это его не касается. — И попросила Терри: — Пожалуйста, предупреди Джека, чтобы он не спускался, пока я не позову.

Она поднялась наверх, чтобы переодеться к приезду Орвила и детей. Женщина всегда старалась одеться к лицу не для того, чтобы понравится бывшему мужу (это было бы глупо), а просто чтобы по возможности хорошо выглядеть. Агнесса увидела в зеркало, что она бледна, и ободок радужки ее зеленых глаз выглядит темнее, чем обычно, отчего взгляд казался пронзительнее и ярче. Давно прошли времена, когда ее кожа обветрилась на солнце и покрылась загаром, но не настали и те, когда бы она заботилась об аристократической белизне своего лица. Ее волосы сохранили сочный каштановый цвет — такой становится сосновая кора, когда ее освещает солнце. На туалетном столике Агнессы не было ни пудры, ни румян, только щетка для волос из слоновой кости и гребень, оставшиеся с тех времен, когда она жила в доме Орвила, да маленький флакончик духов. Выбрав светло-серое платье привычного скромного покроя и причесавшись, она сошла вниз. Кусты были аккуратно подстрижены, клумбы приведены в порядок: раз в месяц здесь появлялся садовник и делал все, что необходимо. Он же или сторож присылали людей, когда что-либо в доме нуждалось в переделке или ремонте.

Агнесса стояла на крыльце, прямая, как свеча, опустив руки перед собой и сложив кисти крест-накрест. Ветер не шевелил ее туго стянутые волосы, неподвижный взгляд был устремлен вперед, и на мгновение она показалась Орвилу гипсовой статуэткой. Он знал, что она делает это не нарочно, что она не притворяется. Внешне робкий, но внутренне нестигаемый часовой на страже своего хрупкого мира, мира, в который она загнала себя сама.

Орвил знал ее полной живости и страсти, знал, что она способна проявить бесстрашие и жертвенность. Он с пронзительной ясностью, до малейших деталей помнил тот день, когда они направлялись в солнечную Калифорнию, мечтая о любви, счастье и отдыхе, когда на пустынной горной дороге на их экипаж напали бандиты. Няня Джерри, Френсин, по сей день служившая в родовом особняке Лембов и в конце концов ставшая горничной Джессики, унесла мальчика в укрытие, а Агнесса верхом на лошади помчалась за подмогой. Кучера убили, и Орвил в отчаянии обратился за помощью к двум бродягам, случайно оказавшимся на дороге. По роковому стечению обстоятельств одним из них оказался Джек. Агнесса думала, что он умер, все так думали, а он был в тюрьме и сбежал оттуда. Увидев Агнессу и узнав, что у них есть общая дочь, он не отставал от нее, пока не добился своего.

Те времена давно прошли, соперник погиб, но оправданий, объяснения причин, почему Агнесса, уже будучи замужем, родив второго ребенка, вновь сошлась с Джеком, все равно не было. Орвил по сей день задавал себе вопрос: была ли это любовь? Или Джек цеплялся за прошлое, в котором только и видел смысл своей жизни, а она его пожалела? Когда Агнесса велела ему уйти, он ушел, но потом тяжело заболел и прислал ей записку. Она тайно ухаживала за ним, и, узнав об этом, Орвил был оскорблен до глубины души. Он отослал Агнессу, чтобы она подумала и пришла в себя, но Джек последовал за ней, и в какой-то момент она окончательно поставила на кон не просто свое положение в обществе, жизнь с обеспеченным, благородным, а главное, любящим мужем, но и судьбу Джессики и Джерри.

После развода Орвил отказался от личного счастья не только потому, что не хотел, чтобы у детей появилась мачеха. Ему нравилась молодая учительница, мисс Кармайкл, которая преподавала Джессике рисование. Эта женщина тоже симпатизировала ему, она была добродетельна, скромна, но... Когда Орвил увидел, что ищет в ней что-то от прежней Агнессы, он окончательно понял, что любовь может быть только одна. Не всем дано витать в облаках, кто-то должен жить и в реальном мире. У них с Агнессой было одно общее свойство: они пытались соединить одно с другим. И у них не получилось.

Джерри побежал к крыльцу, Джессика и Орвил шли следом. Лицо Агнессы расцвело, и она обняла мальчика. Сколько раз она просила бывшего мужа позволить ей видиться с сыном

за пределами этого дома, но всегда получала отказ. И в придачу была вынуждена прятать младшего Джека, словно он был не ни в чем не повинным существом, а олицетворением преступного деяния. Дети росли, и однажды должно было случиться то, что было несложно предугадать.

— Мама, Джесси сказала, что здесь появился щенок. Ты назвала его Дин? А моего зовут Ред. Тоже короткая кличка. Я посмотрю на него, можно?

— Он наверху.

— Так принеси его! Или я поднимусь.

— Я сама.

Агнесса заметила быстрый встревоженный взгляд Джессики. Орвил, как обычно, держался отстраненно. Женщина поднялась вверх по лестнице и приоткрыла дверь в комнату младшего сына.

— Джек, я ненадолго возьму Дина?

Мальчик рассматривал картинки в какой-то книге и сделал вид, что не слышал вопроса. Когда Агнесса повторила, он медленно повернул голову, и женщина увидела сузившиеся глаза, мрачный взгляд исподлобья и не по-детски сжатые, со скорбно опустившимися уголками губы. Агнесса отшатнулась: на нее смотрел не ее маленький сын, а кто-то другой, затравленный и озлобленный.

— Нет! Ни за что! Он мой! А у *нег*о есть свой!

— Боже мой, Джек...

— Уходи!

Ее лицо исказилось, она помотала головой, сунула кончики пальцев в рот, потом сделала шаг назад и прикрыла дверь. Перед ней столь стремительно пронеслась вся прожитая жизнь, что она пошатнулась, а потом неожиданно выпрямилась и высоко подняла голову.

Снизу доносились оживленные голоса, Джерри смеялся. Агнесса сбежала по ступенькам, крича на ходу:

— Ты получил то, что хотел, не так ли, Орвил? Они ни в чем не виноваты! Чего ты добивался? Ненависти? Чтобы за тебя отомстил твой сын?! Только через кого? Запомни, месть не всегда бывает сладкой, она способна убить!

Она бросала слова так, словно резала ножом, ее лицо было бесстрашным и гневным. Орвил знал, что существуют моменты, могущие высвободить в ней что-то дикое, неуправляемое. У каждого свой способ выражения агрессии и отчаяния.

— Агнесса! — попытался прервать он. — Опомнись, тут же...

— Дети? Да! Они дети, но они не слепые и не глухие! Я больше не стану играть в эти игры, выполнять твои условия! Мне надоело притворяться! Они что, тоже должны тащить за собой все это всю свою жизнь? Ты им все объяснишь, или это сделать мне? Я не озабочена своим статусом так, как ты!

— Мы уходим, — резко и холодно произнес Орвил и добавил: — Время для объяснений еще не пришло.

— Когда они сами все поймут, будет поздно! Слишком многое нельзя будет ни изменить, ни тем более повернуть вспять!

Джессика выглядела растерянной и поникшей. Лицо Джерри от волнения покрылось пятнами, взгляд его карих глаз перебегал с отца на мать.

— Идем! — сказал Орвил, и в его голосе прозвучали повелительные нотки.

Взяв сына за руку, он решительно повел его к выходу. Джерри не посмел упираться, но и дело оглядывался на мать. Джессика тоже оглянулась и что-то произнесла одними губами. Агнесса не разобрала, *что*, она видела только, как они уходят, все трое, как они ее покидают. Ей хотелось расплакаться, но она сжала кулаки и неподвижно стояла, гневная, мрачная, но в эти минуты совсем не горестная, словно поднявшая невидимое забрало, обнажившая душу.

Терри наверняка все слышала, но она не показывалась. Агнесса вновь поднялась к Джеку. Мальчик по-прежнему сидел с книгой, но когда он оторвался от страниц, выражение его лица было безмятежным.

— А мне можно будет устроить пикник? — он говорил с привычной кротостью. — Джессика рассказывала, что это когда едят на природе и что там бывает весело. Мы могли бы пойти на берег озера и взять с собой Дина. Нам даже не надо никуда ехать.

По щекам Агнессы, наконец, потекли слезы, и она прошептала, обращаясь непонятно к кому:

— Не знаю, я просто не знаю, что же мне делать дальше.

Глава двенадцатая

Толкнув тяжелую дверь, Джессика вошла в кабинет Орвила. В иные моменты она обходилась без стука. Когда знала, что он сидит один при свете маленькой лампы в массивном кресле, и очертания мебели тонут во мраке, а лежащие на ковре черные тени кажутся длинными, словно щупальца неведомого существа. Усевшись в кресло, что стояло напротив, она промолвила:

— Я давно тебе говорила. Ты не прав, папа.

Хотя Орвил привык к ее прямоте, по его телу невольно пробежала дрожь, и он сделал глоток из рюмки. Потом поставил ее на низкий палисандровый столик рядом с полупустой чашкой кофе.

— Я согласен. Но я не озабочен своим статусом. Я просто не знаю, что делать. — Сам того не подозревая, он повторил слова Агнессы.

— Я тоже не знала, что делать, потому и ушла вместе с вами, хотя мама наверняка хотела, чтобы я осталась с ней. Но ведь и я должна поддерживать эту игру!

— Это не игра, Джесс, это жизнь.

— Тогда она слишком жестока. Сегодня мама увидела изнанку того, что происходит, и перед ней предстало нечто страшное. Поэтому она и повела себя так.

— Знаешь, Джесс, миллионы людей, чье существование вызывает сочувствие и ужас, сказали бы, что и я, и ты, и Агнесса просто бесимся с жиру, — медленно произнес Орвил.

— Я?

— Ты можешь делать что-то для себя и при этом не заботиться о куске хлеба. Но тебе этого мало. Впрочем, как и Агнессе.

— Мама видела нищету, но она всегда говорила, что богатство — это не самое главное.

— Говорят, деньги не портят только того, у кого их никогда не было, — мрачно пошутил Орвил. — Но с твоей матерью все гораздо сложнее.

Джессика промолчала, и тогда он согласно кивнул.

— Не столь давно Агнесса сказала, что хочет отказаться от содержания.

— И что ты ответил?

— Что это неразумно.

— Почему ты ее не бросил? — Джессика подалась вперед, взгляд ее светлых глаз был внимательным и серьезным. — Не хотел упускать из виду?

— В том числе. — В минуты, подобные этой, он не мог говорить неправду.

— Ты должен что-нибудь сделать, — уверенно произнесла Джессика.

— Что? Я сказал, что не знаю, — в голосе Орвила не было раздражения, только усталость.

— Думаешь, Джерри ничего не понимает? Ему неизвестны подробности, но ему вовсе не кажется естественным то, что его мать живет отдельно. И он относится к своему брату так, как ты считаешь правильным. Пренебрегать им, не замечать, делать вид, что его не существует. И ты прекрасно знаешь, во что это может вылиться.

— Они не братья. То есть да — по факту, а нет — по сути.

— Это ты так решил.

— А если будет иначе? Ты достаточно взрослая и сильная, Джесс, мне известно, что тебе приходится переживать и терпеть, но ты выдержишь. А Джерри? Он еще ребенок и может не справиться с некоторыми вещами. Я пытаюсь уберечь его... хотя бы отчасти.

— Ах, папа! — Джессика небрежно махнула рукой. — Что мне приходится переживать и терпеть? Все это ерунда! Ты прав, я старше, больше понимаю и многому была свидетелем. А они еще дети.

— Я говорил только о *своем* сыне, — заметил Орвил и, глядя на нее в упор, спросил: — Чего ты хочешь, скажи? Ты знаешь выход?

— Ты сам говорил, что безвыходных положений не существует.

— Только не в нашем замкнутом обществе.

— Разве тебе когда-нибудь было до этого дело, папа! Рейчел рассказывала, что, будучи совсем молодым, ты поругался с отцом из-за того, что он плохо относился к твоей матери. Что после ее смерти ты покинул дом, жил сам по себе, наплевав на людское мнение и наследство. Потом ты вернулся, и никто не думал о тебе плохо, а если и думал, тебе было все равно. Ты женился на моей матери и удочерил меня, хотя я была незаконнорожденной, и мое происхождение оставляло желать лучшего. Мир замкнут только в нашем сознании, границы можно раздвинуть, стоит только захотеть!

Он смотрел на нее с грустной улыбкой, в которой не было ни капли иронии, лишь тень некоего тайного сожаления.

— Я восхищаюсь тобой, Джесс. Наверное, ты — самое прекрасное, что у меня есть. И я уважаю твои желания.

— Тогда давай мы бросим все и уедем.

— Кто это «мы»?

— Ты знаешь, о чем и о ком я. И Джерри, и Джек — мои братья. А ты и мама... — Она выразительно посмотрела на него и не договорила.

Орвил дернулся так, что скрипнуло тяжелое кресло.

— Прости, Джессика. Это невозможно.

Девушка молча поднялась, вышла из кабинета отца и прошла в свою комнату, где горничная уже задернула шторы, зажгла лампу и расправила постель. Джессика достала альбом, который хранила в комод, под стопкой белья, раскрыла его, нашла изображение Орвила и принялась пристально вглядываться в него, словно пыталась разглядеть в рисунке то, чего не увидела в живом человеке.

Джессике все чаще казалось, будто она рисует не людей, а их души. Женщина с мечтательной улыбкой на безмятежном лице, и она же в порыве безудержной решительности и страсти. Девушка, чья беспомощность и ранимость оборачивается нестигаемой гордостью и силой. Это могли быть десятки портретов одного и того же человека. Множество ипостасей, собранных в единое целое — вот что бы ей хотелось изобразить. Людей, брошенных на произвол судьбы и отыскавших свой путь, или тех, кто, утратив легкомыслие и неверие, проникся непреложной истиной. Смятение ушло, четкий ход мыслей восстановился, и, взяв в руки грифель, Джессика нарисовала мужчину с детской обидой на лице, а потом ребенка с ухмылкой взрослого человека. А после произнесла:

— Не будь таким слепым, папа!

Утром Орвил нашел перед дверью своего кабинета два портрета. Он поднял их, всмотрелся, вздрогнул и глубоко вздохнул. Быстро прошел через коридор, потом по внутренней галерее, стену которой украшали портреты его предков, в другое крыло и постучал в дверь комнаты Джессики. Но ему никто не ответил. Тогда Орвил вернулся в кабинет, положил рисунки в ящик стола, закрыл его на ключ и прошептал:

— Я подумаю, Джесс.

Глава тринадцатая

Орвил проснулся позже обычного, потому что долго не мог заснуть, и Джессика успела проскользнуть на кухню. Это было просторное помещение со множеством шкафчиков, полок, столов, табуреток и огромной плитой, которую кухарка Рейчел только что не боготворила. То была ее стихия и жизнь. Вот уже много лет незаметная, маленькая, похожая на серенькую птичку, женщина не мыслила своего существования, кроме как среди закопченных котлов, сверкающих кастрюль, плетеных корзин и прочей утвари. Ее помощницы сменялись, но Рейчел неизменно сама заказывала продукты, в количестве и качестве которых почти никогда не ошибалась. Она не брала выходных и покидала пределы особняка разве что для того, чтобы выполнить поручение, с которым бы не справился никто другой. В детстве Джессика часто забегала к Рейчел, но теперь ей, как барышне, не подобало торчать на кухне. Орвил никогда сюда не заглядывал. У него было много дел, и он знал, что пока кухонным миром правит Рейчел, все будет так, как и должно быть.

— Как дела, мисс? — приветливо произнесла кухарка и тут же добавила: — Присядьте вон там, не то испачкаете платье.

Джессика послушно опустилась на большой табурет и неожиданно промолвила:

— Всю свою жизнь ты занимаешься одним и тем же, Рейчел. Тебе не надоело?

— Нет. Как сказали бы умные люди, это означает, что я нашла себя.

— Мне тоже казалось, что я нашла себя, но некоторые считают, что я должна искать что-то другое.

— А вы их не слушайте, мисс, — ответила Рейчел, не отрываясь от своего занятия. — Делайте то, что считаете нужным. Если далеко уйти по неверной дороге, можно не суметь вернуться назад.

— Папа решил, что Рэй должен стать юристом, как и он, а тот взял и подчинился. По моему, никто этого не ожидал.

— Возможно, ему было все равно, или он хотел попасть в Нью-Йорк. А вы по нему скучаете?

— Ты знаешь, что нет. Он написал, что приедет на Рождество, — сказала Джессика.

Она вспомнила прошлогодний сочельник, когда пахнущий холодным воздухом Рэй буквально ввалился в дом с подарками и сообщением, что Нью-Йорк засыпало снегом. Орвилу он преподнес пресс-папье в виде бронзового грифона, Джеральду — стеклянный шар, внутри которого при встряхивании начиналась снежная буря. Агнессе он попросил передать туалетный прибор (как решила Джессика, больше для того, чтобы задеть Орвила), а своей «кузине» вручил уздечку ручной работы для ее арабской кобылы Лейлы. И с усмешкой произнес двусмысленную фразу:

— Это тебе больше подходит.

В детстве Джессика упорно воевала с сыном покойной сестры Орвила, пока не научилась успешно отражать его колкости, а то и вовсе их не замечать. Со временем шпилек стало меньше: казалось, Рей просто шутил.

— Ты все хорошеешь, — заявил он тогда, разглядывая ее с головы до ног.

В его голосе прозвучала неясная угроза. Джессика видела, что Орвил тоже это заметил. И что это ему не понравилось. В обществе судачили не только о том, что Орвил Лемб содержит свою бывшую жену и ее незаконнорожденного сына, но и о том, что своим появлением в семье Джессика «оттяпала» у Рэя долю наследства. На самом деле Орвил очень внимательно, даже скрупулезно вел финансовые дела, и его кредо была справедливость. Он много жертвовал на благотворительность, но никогда это не афишировал, как и размеры своего состояния. Жил относительно скромно и старался не баловать детей неуместными и вычурными подарками.

Рэй знал, что некоторые девушки из окружения Джессики проявляют к нему интерес, и словно нарочно спросил:

— Как поживают твои подруги? Эта, как ее... мисс Хейфорд?

— Она все хорошеет, — в тон ему ответила Джессика и поинтересовалась: — А каковы нью-йоркские барышни?

— Я не увлекаюсь девушками, мне надо учиться, — сказал Рэй, и Джессика заметила, как он бросил на Орвила взгляд, полный то ли насмешливого любопытства, то ли тайного вызова.

На этом их пикировка закончилась, и в целом рождественские каникулы прошли без приключений. Орвил беспокоился, что племянник поддастся влиянию большого города, но Рэй хорошо учился, и его поведение не вызывало нареканий. И все-таки, когда дело касалось Рэя, Джессика подозревала, что с ним далеко не все не так, как кажется на самом деле. С Рэем всегда надо быть настороже, как если бы он что-то задумал. Иногда ей казалось, что Орвил отослал племянника подальше, чтобы избавиться хотя бы от одной проблемы. Рэю исполнилось девятнадцать. Высокий, стройный, черноволосый и сероглазый, он был хорош собой, но Джессике привлекало не это, а то, что в нем было нечто такое, чего она не могла разгадать.

— В детстве мистер Рэй был скверным мальчишкой, — сказала Рейчел, довольная тем, что они с «маленькой мисс» общаются так же просто, как прежде. — Изводил свою мать, а когда его привезли в этот дом, всех, кто был здесь. В общем, копия своего непутевого отца! Сестра мистера Орвила, бедная мисс Лилиан, заслуживала лучшей доли.

— Похоже, эту семью всегда лихорадило, — заметила Джессика.

— Да, — занятая делом Рейчел на нее не смотрела, — здесь много чего происходило, но репутация мистера Лемба всегда оставалась незапятнанной. Вот пример человека, который настолько честен, безупречен и чист, что к нему не пристаёт никакая грязь.

— Если бы на свете не было других цветов, кроме белого, мне было бы нечем и незачем рисовать, — сказала Джессика и вдруг спросила: — на завтрак будут мои любимые блинчики?

Это был вопрос из детства, и Рейчел широко улыбнулась.

— Конечно, мисс! Все, что вы только захотите! — Потом заметила: — Одна только вы и заходите ко мне.

— Скажи спасибо, что только я по старой памяти мешаю тебе работать. Я удивляюсь тебе, Рейчел. Ты похожа на Терри. И она, и ты почти все время проводите на кухне, однако понимаете, что происходит в доме с каждым из нас.

— Для того, чтобы все видеть, не обязательно находиться рядом

Глава четырнадцатая

Агнесса лежала на кушетке, то глядя на тусклое небо в окне, то разглядывая трещины на потолке, напоминающие извивы тонких лесных ручейков. Кое-где штукатурка облезла, и пятна приняли причудливую форму. Одни напоминали силуэты животных, другие — профили людей различного пола и возраста. Такие развлечения бывают у тех, кого приковала к постели болезнь, и порой напоминают некое навязчивое влечение. Безвременье и слабость: если бы Агнессе не было известно, что сейчас осень, часы скоро пробьют три, а эта комната — ее спальня, она бы не поняла, где находится. Она ощущала упадок сил, и ей было стыдно оттого, что она не может встать и заняться какими-нибудь делами. Терри считала, что это «от нервов», но Агнесса возразила: нервы — не норовистая лошадь, их можно успокоить, умирить. Хотя на самом деле это было не так.

Ей до боли хотелось увидеть Джерри, поговорить с ним, она вполне созрела для того чтобы попытаться все объяснить. Невзирая на мнение Орвила, не думая, что ждет ее после. Но беда заключалась в том, что они никогда не оставались одни, с глазу на глаз. Джерри всегда привозил отец, и они встречались так, как если бы ее бывший муж и старший сын прибыли с официальным визитом. А если заговорить о правде при Орвиле, опять ничего не получится. Вваливать признание на Джессику Агнесса не считала возможным. Конечно, дочь согласилась бы привезти Джерри, когда Орвила не будет дома, но об этом непременно станет известно: у мистера Лемба слишком преданные слуги. И если им с Джерри даже удастся встретиться один на один, она не хотела начинать с такого тяжелого разговора.

Ответ от Аманды пока не пришел, и Агнесса боялась, что мать нагрянет без предупреждения и привнесет в ее жизнь еще больший хаос. Она не знала, с кем поделиться наболевшим, кому написать. В этом городе у нее не было друзей, все от нее отвернулось. Когда Агнесса уехала с золотого прииска, а после, чтобы не умереть от голода вместе с Джессикой, устроилась посудомойкой в ресторан, она дружила с девушкой по имени Филлис. Впоследствии, когда Агнесса вышла замуж за Орвила, Филлис стала ее поверенной во всех делах и крестной матерью Джерри. Они продолжали переписываться, но потом Филлис создала свою семью, у нее появились дети, и постепенно переписка затухла, как затухает не подпитываемый топливом огонь. Со времени роковых событий Агнесса чувствовала, что с этой стороны ей тоже не дожидаться ни понимания, ни сочувствия, ни поддержки.

Дверь скрипнула: Джек. В последние дни он был несказанно весел и увлечен чем-то своим. Играл с собакой и будто строил какие-то планы. Агнесса заметила, что эта легкость появилась в нем после того, как она накричала на Орвила. Мальчик будто обрел уверенность, утратил неведомый страх. Джек много времени проводил в ее комнате, и Агнесса чувствовала, что его желание не отдавать ее никому усилилось и окрепло. С Джессикой он ее не делил, а Орвила, наконец, поставили на место. Пусть забирает себе *другого* мальчика, и на здоровье!

— Мама, ты уже хорошо себя чувствуешь?

— Да, сынок. Сейчас я встану.

— Когда мы пойдем на пикник? Можно позвать Джесси и Терри.

— Думаю, Джессике сейчас некогда, а Терри не согласится.

Казалось, Джек ни капли не огорчился.

— Тогда вдвоем?

— Не знаю. Едва ли это хорошая мысль. Почти каждый день идет дождь и довольно прохладно.

— А можно... — не зная, как приступить к своей просьбе, ребенок замялся. — Можно... я приглашу Рэна?

Агнесса вздрогнула.

— Ведь вы не видите, — осторожно произнесла она.

— Он ждет меня, я это знаю, только я не прихожу, — наивно и вместе с тем уверенно ответил мальчик. — Я мог бы спросить у него завтра, и мы бы договорились. Не надо бояться, это же совсем не далеко!

Агнесса давно поняла, что в данном случае борьба бесполезна. Если сейчас она исполнит желание Джека, возможно, когда-нибудь эта история закончится.

— Хорошо. Только пусть это будет недолго.

— Недолго! — радостно повторил мальчик и тотчас умчался.

В назначенный день Джек проснулся еще до рассвета. Вскочив с постели, подбежал к окну и взгляделся в небо. Ему показалось, что на улице пасмурно, хотя на самом деле в столь ранний час сложно было понять, какой выдастся погода. В это время года рассвет часто напоминает сумрак. Земля была сухой, ветки деревьев не шевелились, и день обещал быть спокойным. Быстро одевшись, мальчик сбежал по ступенькам и закричал с порога:

— Ты не забыла?!

— А где мое «доброе утро»? — спросила Терри, аккуратно заворачивая снедь.

— Доброе утро.

— Так лучше. А теперь умывайся и садись завтракать.

— Я же иду на пикник!

— И что? С утра будешь ходить голодным?

— Ты не мало туда положила, Терри? — Джек с тревогой смотрел на корзину.

— Достаточно, не беспокойся. Или ты собираешься в кругосветное путешествие?

Вошла Агнесса в капоте и домашних туфлях, пока еще небрежно причесанная, со слегка припухшими губами и веками.

— О, мама! Доброе утро!

Мальчик выглядел до крайности возбужденным, и женщина подумала, что у него слишком мало впечатлений. Не надо, чтобы он замыкался в своем мире, иначе когда-то ему покажется, будто жизненное пространство чересчур велико, а то, что люди вокруг слишком разные, окажется неприятным открытием. Присев на корточки, Агнесса поправила одежду сына.

— Я отпускаю тебя, но буду волноваться. И еще я должна предупредить тебя, Джек. Пожалуйста, не спрашивай у своего, — она запнулась, — друга, есть ли у него дети.

— Почему?

— Потому что не надо лезть в чужую жизнь.

Агнесса не хотела видиться с Рэндаллом Эвансом, и корзину взялась донести Терри. Черная юбка, серая в белую крапинку блузка, собранные в тугой узел волосы с сильной проседью, не запоминающееся, невыразительное лицо — она выглядела бедной жительницей предместий. Идущий рядом с ней мальчик, который нес на руках щенка, то и дело поднимал голову и смотрел на небо.

— Терри, сегодня хорошая погода?

— Я считаю, дождя не будет.

Джек облегченно вздохнул.

— Рэн сказал, что пикник под зонтиком — это смешно.

— Вижу, твой Рэн большой шутник, — проворчала Терри.

Она вспоминала разговор с Агнессой, которая сказала:

— Я понимаю, что моему сыну не хватает мужского внимания, и хорошо, если этот Эванс порядочный человек. Ведь на его месте мог оказаться кто-то совсем другой.

— Он не вашего круга, барышня, — заметила Терри, и Агнесса невесело рассмеялась.

— Какой такой «мой» круг!

Терри было известно, что после печально известного бегства из дома барышне довелось познать суровые, даже жестокие обычаи золотых приисков, жить среди закаленных лишений

ями людей, которые привыкли рисковать, как своими, так и чужими судьбами, чьи действия зачастую было невозможно предугадать. Неутомимые и стойкие, они оценивали человека не по происхождению и наличию связей, а по характеру и поступкам. Терри сама в грош не ставила всю эту светскую мишуру, и единственным человеком из пресловутого «круга», которого она уважала, был Орвил Лемб. В ее глазах он олицетворял тот немыслимо ценный приз, который Агнесса Митчелл попросту потеряла. А ведь этот человек умел даже неблагоприятный с точки зрения общества поступок обращать во благо себе и другим.

Берег выглядел пустынным, но ребенок ни капли не волновался, он будто знал, что так надо, и был уверен, что его друг придет. Мужчина появился из кустов, словно из укрытия, и Терри посетило неприятное чувство. Агнесса не желала проникаться его трагедией, и Терри вполне разделяла мнение своей барышни. Агнесса рассказывала, что этот человек очень беден. Однако, на взгляд Терри, бедность бывает всякой. Между бродягой, оборванцем, ничтожным опустившимся человеком и тем, кто все же пытается сохранить достоинство, есть разница. Еще барышня упоминала о том, что видела в его жилище книги и что он грамотно пишет. И все же Рэндалл Эванс напрасно вторгался в их жизнь.

— Вот. — Терри поставила корзину на землю. — И знайте, что я не одобряю ваших затей.

— Разве вы не поняли, что я не причиню этому ребенку никакого вреда?

— Телесного может быть. Но я говорю о другом. Вы думаете о себе, а не о Джеке.

— О нем я тоже думаю.

Сегодня Рэндалл Эванс, по крайней мере, был общительнее. Сейчас он не выглядел человеком, смысл и содержание жизни которого навсегда утрачены.

— Мы с вами не встречались раньше? — спросила Терри, не в силах избавиться от навязчивого ощущения, которое граничило с предчувствием беды.

— Я вас никогда не видел.

— Я вас вроде бы тоже, но... Впрочем, ладно. Я приду через полтора часа, и, Джек, не сиди на сырой земле.

Мальчик нетерпеливо кивнул. Он явно желал, чтобы Терри поскорее ушла. Женщина расстелила скатерть и вытащила припасы. Ей хотелось подольше понаблюдать за Рэндаллом Эвансом, но тот не двигался и не проявлял никаких эмоций. Когда она ушла, мальчик и женщина, наконец, вздохнули свободно. Джек уплетал вкусные вещи, которые были в корзине, угощал щенка и оживленно болтал, не замечая, что его взрослый приятель ничего не ест.

— Вы приведете лошадей, как обещали? Моя сестра Джессика умеет ездить верхом.

— Наверняка в дамском седле.

— Она хорошо держится. У нее есть кобыла Лейла. И у *другого* мальчика тоже, наверное, есть конь.

— А кто это, *другой* мальчик?

Джек с досадой махнул рукой. Находясь рядом с этим человеком, он испытывал необычное и приятное чувство: они были на равных. Ему захотелось поделиться с ним тем, о чем он ни с кем не говорил.

— Когда он появляется, мне не разрешают спускаться вниз. Зато в последний раз *я*не позволил ему взглянуть на Дина!

Рэндалл слегка усмехнулся, и эту усмешку нельзя было назвать доброй.

— Тебя что, запирают?

— Нет. Просто мама говорит, чтобы я не выходил из своей комнаты, пока они не уедут.

— Они?

— Мальчик и... тот господин. Джессика тоже приезжает с ними. А иногда одна. Тогда мы с ней гуляем и играем.

— Ты когда-нибудь разговаривал с этим мальчиком?

— Никогда.

— А... с господином?

— Нет, — ответил ребенок и добавил с какой-то недетской иронией: — Мне же нельзя!

— Ты думаешь, этот мальчик плохой?

— Я не знаю. Только не надо ему приезжать. Терри не дает мне попробовать пирог, пока он не поест. У него все появляется в первую очередь, а у меня только потом. Даже собака!

Мужчина задумался. По его лицу пробежали тени противоречивых чувств.

— Тебе не стоит думать о нем плохо, — наконец сказал он. — И этому мальчику не лучше, чем тебе. Ты постоянно живешь со своей мамой, а он только навещает ее. И даже если у него уже есть лошадь, он наверняка ездит лишь по дорожкам своего сада.

— А где буду ездить я?

— Где захочешь. Для кого-то верховая езда — развлечение, другие могут понять, что значит, когда твоя жизнь зависит от лошади.

— Трудно научиться? — с надеждой спросил Джек.

— Для кого как. Это сложно объяснить. Просто надо попробовать и почувствовать.

— Я не испугаюсь?

— Посмотрим. В любом случае я тебе помогу.

Ребенок смотрел на мужчину с благоговением и восторгом, так, будто тот обещал ему нечто невиданное. В том мире, где он обитал до сих пор, время текло медленно, сейчас же оно будто неслось вскачь, каждую минуту возникало что-то новое и неожиданное. Доверие Джека к Рэндаллу Эвансу непрерывно росло, и он решил попытаться узнать то, что не давало ему покоя.

— Мама говорила, чтобы... чтобы я не спрашивал, есть ли у вас дети.

Вглядевшись в лицо ребенка, мужчина прочитал в его глазах тайную надежду и ответил:

— Теперь у меня есть ты.

Глава пятнадцатая

После того как прошли последние мероприятия осеннего сезона, Орвил Лемб, Джессика и Джерри отбыли в Европу. Они путешествовали со всем доступным им комфортом, а потому увидели немало необычного и нового.

Спектакль состоялся, и Дженнифер Хейфорд в роли Джульетты подтвердила титул самой красивой девушки в городе, хотя, по мнению Алисон Кавер, Мэрилин Коупер и Джессики Лемб, она играла не героиню трагедии Шекспира, а саму себя. При этом Алисон и Мэрилин негодовали, а Джессика оставалась спокойной.

— Каждой позой, движением, словом она говорила только одно: «Я неотразима!» Что значит «подтвердила титул»? Нахлобучила его, как шляпу, и носит! Это называется самопровозглашением.

— Перестаньте, девочки. Играла она неважно, но звание первой красавицы заслужила.

— Чем? Деньгами своего папочки?

— Когда говорят о папочкиных деньгах, чаще всего имеют в виду меня, — заметила Джессика.

Ей не терпелось хотя бы на время избавиться от всего этого, поэтому она охотно и быстро собрала вещи, при этом упаковала и то, что не было предназначено для чужих глаз. На прощание Агнесса обняла дочь и пожелала ей счастливой поездки. Она улыбалась, а вот с Джерри простилась со слезами, которые не смогла сдержать.

Джессика с первого взгляда полюбила прибежище женских чар, легкого кокетства, изящного щегольства, обитель художников, музыкантов, поэтов. Вместе с тем она чувствовала, что Париж не дастся ей просто так, что предстоит выдержать какое-то испытание, своеобразный экзамен.

В первое же утро, когда она, проснувшись, увидела, что потолок озарился теплым светом, Джессика с нетерпением раздвинула шторы и распахнула окна. Веселый отблеск стекол, тусклое серебро облаков, туманная вода — все это радовало глаз. Нараставший гул площадей, утренний шорох улиц, одиночные голоса и звонки сливались в единую песню. Вскоре она обожала этот город, его ночи с сокрытыми в них тайнами, неумолчным гулом, загадочным светом фонарей. С нежно розовеющим заревом, непроницаемыми маслянистыми водами Сены, мощеными улочками, прелестными кафе, от которых веяло легкомыслием, всевозможными зданиями, то классически строгими, то с причудливым смещением стилей.

Джессика гуляла и разъезжала по городу вместе с Орвиллом и Джерри, а потом они втроем отправились по музеям. Знаменитые на весь мир полотна ошеломили девушку. На их фоне она со своим дерзким творчеством самозванки показалась себе ничтожной маленькой мушкой. Если бы Джессика плохо знала Орвила, она бы подумала, что он привез ее сюда, чтобы она разочаровалась в своих способностях. Озадаченная, притихшая девушка исподволь изучала великие творения, сознавая, что ей никогда не достичь ничего подобного. Тем более она была всего лишь женщиной.

Неделю спустя, немного освоившись, она отпросилась у Орвила прогуляться и отправилась на Монмартр, в квартал Батиньоль, боковые улочки которого облюбовали молодые неизвестные художники, жаждущие завоевать мир. Отсюда же начиналось Сент-Антуанское предместье, где проживала парижская беднота. В тени начавших осыпаться акаций Джессика увидела небольшой пруд, по глади которого скользили лебеди. По влажной земле рассыпались солнечные блики, но в тени было по-осеннему прохладно. В укромных уголках Джессика ощущала себя в своей стихии, она отдыхала от показной роскоши и блеска.

В этот час здесь было мало людей, художники только начали расставлять полотна. Джессика переживала за свой французский, ей не хотелось выглядеть глупой иностранкой, которая

забрела сюда неизвестно зачем. Какие-то картины казались ей неинтересными, о других она не могла составить собственное мнение. Решив опираться на первое впечатление и ориентироваться не на познания, а на чувства, она остановилась возле пейзажей молодого художника. На вид ему было лет двадцать, и Джессика подумала, что ей будет проще общаться с тем, кто ближе по возрасту. Ей понравились его этюды, да и сам он выглядел симпатичным: темно-волосый и темноглазый, с бледным лицом и красиво очерченным профилем. Она молча стояла и словно чего-то ждала. Видя ее нерешительность, юноша мягко произнес:

— Вы что-то хотели, мадмуазель? Я могу вам помочь?

— Я хотела бы вас спросить... Извините, я неплохо знаю французскую грамматику, но с произношением у меня не так хорошо.

Он склонил голову набок.

— Откуда вы?

— Я американка.

— О, Америка! Страна поисков, путешествий и золотого тельца!

Джессика улыбнулась.

— Я знаю, что Франция лучше.

— Она просто другая. И нас, парижан, редко тянет в другие края. — В этой фразе прозвучала привычная французская гордость.

Молодой человек, не отрываясь, смотрел на девушку. Ее струящиеся из-под синей шляпки блестящие волосы на черной ткани накидки выглядели светлым золотом. Длинные черные перчатки, темно-синяя бархатная юбка, высокие ботинки из тонкой кожи — все указывало на обеспеченное положение. Однако взгляд казался искренним, а лицо — открытым. Юноша не даром был, пусть еще и неопытным, но художником: он заметил не только красоту юной американки, но и ее простоту.

— Ваш акцент прелестен, а вы...

Слегка запрокинув голову, Джессика рассмеялась.

— Не продолжайте, я без того знаю, что вы хотите сказать.

— Как ваше имя? — спросил он, удивленный тем, как быстро она освоилась.

— Джессика Лемб.

— Мадмуазель Лемб, — почтительно произнес молодой художник, — так что вы желали узнать?

— А как зовут вас?

— Поль. Поль Леру.

— Это ваши этюды?

— Да.

Чуть прищурив глаза от солнца, девушка рассматривала пейзажи. Они казались скромными, но в них был неприметный на первый взгляд размах и удивительная неподдельность. Автор этих картин обладал очень точным внутренним зрением, ни одна деталь не была случайной, в этих полотнах все дополняло друг друга.

— Их хорошо покупают?

— Не очень.

— Если позволите, я возьму вот эту и эту картину. Когда я вернусь на родину, они будут напоминать мне о Франции.

Поль прислушался. В ее голосе не было ни нотки фальши. И она не спросила о цене. Молодая богатая американка... Что она здесь делает?

— Благодарю вас. Куда их прислать?

Джессика назвала адрес отеля, где они остановились, и Поль сразу понял, какая пропасть их разделяет. Его квартирка, она же мастерская, была маленькой и бедной. Мутное стекло единственного окошка, старая расшатанная мебель, жестяная ванна в крохотном закутке за

дощатой перегородкой. Часто он не успевал вовремя платить за жилье, разрывался между желанием досыта поесть или купить новые кисти и краски.

— У меня есть рисунки, — вдруг сказала Джессика, — и мне бы хотелось, чтобы вы их оценили. В смысле, понравятся они вам или нет.

— Спасибо за доверие, но я не знаток.

— Это неважно. Я вижу, как вы рисуете, и хочу узнать именно ваше мнение.

Она опять не спросила, кто он и учился ли где-то. Вероятно, все это не имело для нее большого значения.

— А кто художник? — поинтересовался Поль.

— Он никому не известен.

— И как я смогу увидеть его картины?

— Давайте где-нибудь встретимся, и я их покажу.

Молодой человек удивился, с какой легкостью эта девушка назначает пусть даже и деловое свидание незнакомому человеку. Она была то ли чересчур наивна, то ли, напротив, слишком уверена в себе. И наверняка привыкла получать все, что ей только захочется, и не знала отказа. Поль не имел обыкновения подчиняться любой просьбе, даже если она исходила от столь очаровательной особы. И все же сказал:

— Хорошо. Люксембургский сад подойдет?

— Да. Сакральное место.

«Вероятно она всюду чувствует себя как дома. И ее нельзя назвать очаровательной, она скорее смущает и ставит в тупик своей прямоотой и естественностью», — подумал Поль. Он внимательно присмотрелся к ней. Лет шестнадцать-семнадцать, но выглядит старше. Неопытна, но вдумчива, смелая, но не лишенная застенчивости. Взгляд не пронзительный, но настойчивый и пытливый. Ей было присуще обаяние незаурядности. Молодой художник еще не встречал таких девушек. Поль обратил внимание на ее хотя и тонкие, но гибкие и сильные пальцы. Он мало что знал об Америке, однако слышал, что тамошние люди обладают силой воли, бесшабашностью и бесстрашием. «Доморощенная аристократка», — решил он, но то, что девушка не пытается это скрыть, вызвало в нем уважение и любопытство. Благодаря ее покупке и искренним интересом к его работам день начался хорошо. Джессика... Поль никогда не слышал такого имени.

Когда она удалилась, к молодому художнику подошел его приятель, молодой поэт, который наблюдал за ними издали, но не слышал разговора.

— Что это за птичка, Леру?

— Американка.

— Янки в Париже? Это означает, что у них полно денег!

— Она купила у меня две картины. И даже не спросила, сколько они стоят.

— Если так, можешь взять с нее подороже.

Поль пожал плечами.

— Зачем?

Приятель, которого звали Николя Боннар, немедленно заключил:

— Я всегда говорил, что у человека, которому не нужны деньги, никогда их не будет!

— Мне нужны деньги, но я не хочу никого обманывать.

— Зря. А может, эта американка с толстым кошельком хотела купить не картины, а тебя?

Поль сжал губы и так сверкнул глазами, что Николя попятился.

— Ладно, ладно. Я пошутил. Не желаешь пропустить вечером по стаканчику красного?

Поль замаялся.

— Да я...

— На мели? Ничего, в следующий раз угостишь ты, — сказал приятель и хлопнул его по плечу.

Вечер выдался ненастный, и Орвил с Джессикой и Джерри сидели в номере. Резкий ветер трепал листву, по небу разметались космы пепельных облаков, в окна время от времени били капли дождя, а мостовые и тротуары были усыпаны мокрой осенней листвой.

— Надеюсь, завтра погода не помешает нашим планам, — сказал Орвил.

— А что завтра? — спросил Джерри.

— Думал прокатить вас по Сене. А с тобой, — он посмотрел на Джессику, — пройти по Рю-де-ля-Пэ.

— Зачем?

— Разве ты не хочешь похвастаться перед подругами парижскими нарядами? — улыбнулся Орвил.

— Да, это было бы интересно, — рассеянно проговорила Джессика и вдруг спросила: — А французы, они какие?

— Разве ты не читала книг, Джесси?

— Читала, но... Папа, я купила две картины, их принесут завтра.

— Какие картины?

— Я была на Монмартре, — призналась девушка. — Мне хотелось посмотреть, как рисуют неизвестные незначительные художники, и мне понравились пейзажи одного из них. Правда, я даже не спросила, сколько они стоят.

— Не думаю, что дорого, но ведь ты рисуешь портреты.

— У меня не было цели сравнивать. Просто это будет лучшая память о Париже.

— Лучше нарядов? В этом вся ты, Джесс.

— Я рада, что ты меня понимаешь, — сказала девушка, но сейчас ее волновало другое: поймет ли ее молодой художник по имени Поль Леру?

Глава шестнадцатая

Поскольку погода не собиралась налаживаться, прогулка по Сене была отложена, как и посещение магазинов, но Джессика отправилась в Люксембургский сад, пожаловавшись на то, что ей надоело сидеть в отеле. Она не сказала Орвилу, что собирается встретиться с молодым художником: отец бы встревожился. Он удивился, что ей хочется прогуляться в ненастье, однако не стал препятствовать.

Бронзовые и каменные изваяния, великолепные фонтаны, тишина и покой среди вечной суеты — даже в плохую погоду сад был полон волшебного обаяния, к которому разве что прилеплялась нотка обнаженности и светлой грусти. Глядя на статуи королей, Джессика думала о том, насколько печально превратиться в безмолвное изваяние со слепым взором, напоминающее надгробный памятник, мимо которого равнодушно проходит толпа.

Поль Леру ждал ее на уединенной скамейке возле кованой ограды. Было сыро, и он намеревался пригласить девушку в кафе. Ему заплатили даже больше назначенной суммы, что избавило молодого человека от долгов за жилье и позволяло продержаться как минимум до конца месяца. Вчера Джессика не вышла, картины забрал лакей, и он же передал плату, но Поль счел это вполне естественным. Хотя он старался сохранять достоинство пусть бедного, но независимого человека, для нее он был никем, лишь мимолетной прихотью богатой девчонки. Он ожидал, что девушка может не согласиться на его предложение, но она кивнула, и они направились в маленькое кафе. Две чашечки кофе бархатистого темно-шоколадного цвета и тающие во рту пирожные — вот все, за что Поль мог заплатить. Джессика призналась, что уже пробовала улиток, которых прежде никогда не ела, и что ей понравился суп из спаржи. Зная, сколько стоят эти блюда, молодой человек только вздохнул. Они немного поболтали о том о сем, а после Джессика раскрыла альбом и взволнованно произнесла:

— Вот то, о чем я вам говорила.

Поль опасался увидеть нечто бездарное и не знал, как повести себя в этом случае, потому что альбом, скорее всего, принадлежал знакомому девушки. Молодой человек просмотрел рисунки, медленно переворачивая страницу за страницей и ничего не говоря. Он то хмурился, то удивленно приподнимал брови, то слегка прикусывал губу. Поль ни разу не взглянул на Джессику, и она не понимала его реакции. Наконец он спросил, указывая на подпись на женском портрете:

— Что здесь написано? Название рисунка?

— Да. «Неприкаянная».

— Вы можете перевести?

— Мне сложно, но я попробую.

— Беспокойная?

— Не совсем так.

Полуоткрытые губы, взгляд, устремленный мимо зрителя, невидящий, обращенный внутрь, и в то же время пронзительный. Разметавшиеся по плечам волосы...

— Мятущаяся душа?

— Возможно, так лучше, — промолвила Джессика и, не выдержав спросила: — Как вам все это?

— Хорошо. Очень хорошо. Все эти люди не выдуманные, живые. И даже если их породило воображение, художник вдохнул в них душу. Он сопереживает им, понимает их, но оставляет в покое и не стремится вмешаться в их жизнь.

— Почему вы так думаете? — Джессика затаила дыхание.

— У них своя судьба и свой путь. А автор стоит на обочине.

— Должно быть по-другому?

— Думаю, только так. Они сами справятся. Главное, он их заметил. Он творец, но не Господь Бог, и он это знает. — И, посмотрев ей в глаза, спросил: — Чьи это работы?

— Ну, — Джессика замялась, — одного знакомого мне человека.

— Он здесь, в Париже?

— Нет. Он там... дома.

— А с кем вы приехали?

— С отцом и младшим братом.

— Простите, я не желал быть чересчур любопытным. Вы хотели узнать мое мнение, и я вам сказал. Сам я не рисую портреты, но я видел много чужих работ, и они... не такие.

Пытаясь скрыть радость и смущение, Джессика попыталась обратить внимание молодого человека на него самого.

— Почему вы не взялись за портреты? О красоте и своеобразии французов ходят легенды.

— Но среди них много бедных, несчастных, заблудших...

Голос Поля прозвучал печально, и Джессика подумала, что у него, наверное, есть подруга. Девушка слышала, что многие французские женщины отличаются свободными нравами.

— В литературе то же самое, — увлекшись, продолжал Поль, — кто-то сочиняет стихи, другие пишут прозу, и только некоторым одинаково удается и то, и другое.

— Об этом я не подумала. Я пробовала рисовать пейзажи, но у меня не получилось.

— То есть... вы пробовали?

Джессика поняла, что проговорила. Она молчала в замешательстве, и молодой человек произнес:

— Вы не просто из Америки, вы откуда-то... Кто вы?

— Я уже говорила. Джессика Лемб.

Забывшись, он схватил ее за руку.

— И это ваши рисунки?!

— Да, — ответила Джессика с таким чувством, словно прыгнула с высокого обрыва. Только так, как бывает во сне, когда прыгаешь, но не разбиваешься, успевая проснуться за мгновение до смерти. Она осталась жива, и в ней горела надежда.

Поль выпустил ее пальцы, отстранился, откинулся на спинку стула и покачал головой.

— Я видел, что в этих рисунках есть что-то непонятное для меня, и теперь ясно: это женская рука.

— К сожалению, — вздохнула Джессика, и он возразил:

— Вовсе нет. Женщина чувствует тоньше и видит глубже.

— И все-таки мне не дано стать художницей, — печально промолвила она.

Поль смотрел непонимающе.

— Вы уже художница.

— Никто так не считает. Много ли женщин-художниц вы видели на Монмартре!

— А что вам нужно? Признание, известность? Чтобы ваши работы покупали? Зарабатывать этим деньги?

— Нет.

— Тогда что?

— Я не знаю, — ответила Джессика и вдруг вспомнила слова Орвила: «Ты не хочешь взять то, что лежит у твоих ног. Тебе нужно то, что ты сможешь достать, устремившись наверх. Но желания бывают иллюзорны, как и то, что ты получаешь, если они исполняются».

— Почему вы обратили внимание именно на этот портрет? — спросила она.

— Мне показалось, эта женщина по-особому вам дорога. Вы переживаете за нее, и вам больно.

Джессика поймала себя на мысли, что ощущает присутствие Поля Леру не просто всеми своими нервами и всей кожей, а воспринимает, как нечто угрожающее. Хотя они говорили на разных языках, он прорвался сквозь ее заслоны, обнажил правду ее души. До сей поры это не удавалось никому.

— Да, это так.

— Кто она?

— Моя мама.

— Она... жива?

— Да. Она... осталась в Америке.

— То есть, — осторожно начал Поль, словно ступив на незнакомую тропинку, — у вас есть отец, мать и, как вы сказали, младший брат. Вы приехали в Париж, многое можете себе позволить. Пусть кто-то говорит, что у вас иное предназначение, вы вольны творить и совершенствоваться в этом. Ездить, смотреть, в конце концов, брать уроки живописи.

Джессике стало стыдно.

— Наверное, вы правы... — И наконец спросила: — А у вас есть родные? Вы где-то учились или учитесь? Зарабатываете на жизнь продажей картин?

Поль смутился, а после признался, что это самая большая его мечта. Писать картины, и чтобы это не перекликалось с ремесленничеством. Рассказал, что ему двадцать один год, после школы он занимался самообразованием, проводя время в библиотеке. Что касается живописи, в основном наблюдал, как рисуют другие, запоминал и старался повторить, но так, чтобы это было что-то свое. Посещал классы мастеров, но не часто, потому как за это надо платить. В семье его считают паршивой овцой: отец был мелким лавочником, дед тоже, а Поль стал рисовать, и тогда отец отказался ему помогать и отпустил на вольные хлеба. Сейчас он снимает крохотную комнату, подрабатывает, чем может, но старается делать то, что имеет хоть какое-то отношение к творчеству. Расписывает обои, рисует вензеля. Его клиенты небогаты, поэтому мало платят, порой не вовремя, а то и вовсе обманывают. Он никому не известен и беден, но не теряет надежды. А если и приходится голодать, так это закаляет волю.

— Мне повезло родиться и жить в Париже, а это уже кое-что, если не очень многое, — заключил Поль и спросил: — Мадмуазель Лемб, не хочу показаться дерзким, но мы еще увидимся?

— Вы этого хотите?

Поль улыбнулся.

— Мне нравятся те, кого я не могу до конца понять.

— Вы про мой французский?

— Нет, я о вашей душе.

Он проводил ее почти до отеля. Джессика была взбудоражена как их разговором о ней и ее работах, так и его бесхитростным рассказом. Поль не скрывал, что он беден, но это не мешало ему держаться с достоинством. Он уважал себя и свой выбор, у него были принципы, и он не собирался от них отказываться. Джессику так и подмывало рассказать обо всем Орвилу, но она не могла предвидеть его реакции, а поэтому не осмеливалась заговаривать о впечатлениях этого дня. К тому же она скрыла от отца, что идет на встречу с почти незнакомым молодым человеком.

— Ты долго, — заметил Орвил, когда девушка вошла в гостиную. — Конечно, в Париже можно расслабиться, но это не значит, что я не стану за тебя волноваться.

— Прости, папа.

Он улыбнулся.

— Я не сержусь.

— Где Джерри?

— В своей спальне. Читает новые книги. Сейчас принесут чай. Ты будешь?

— Конечно.

Джессика сняла верхнюю одежду и присела к столу. Орвил уделял сыну много внимания, но как со взрослой, он мог поговорить только с ней, и девушка это ценила. Безукоризненно вышколенная горничная в белом фартуке и наколке внесла поднос. Номер был отделан в пастельных тонах, и хотя комнаты были большими, а мебель дорогой, не выглядел роскошным.

— Папа, что происходит, когда человек влюбляется? — внезапно спросила Джессика.

В темных глазах Орвила промелькнул ответный вопрос, но он сдержался и спокойно произнес:

— Он теряет почву под ногами, теряет ум, самого себя.

— Себя?

— Да, потому что думает только о другом человеке. Испытывает слишком сильный накал чувств, чтобы осталось место еще и для разума.

— И чем один человек может привлечь другого? — спросила Джессика, не поднимая глаз и помешивая ложечкой чай.

— Кто знает! Чем притягивает магнит? Порой привлекает не внешность, не ум, не общность интересов, а нечто неведомое. Любящий подчиняется тому, кого любит, подчиняется порой против воли и при этом чувствует себя счастливым.

«Ты любил, папа, о да, я знаю, что ты любил!» — подумала Джессика и сказала:

— Завтра пойдем по магазинам. Кстати, когда мы уезжаем?

— Джерри тоже об этом спрашивал. Недели две я бы еще провел в Париже, а потом пора домой.

— Папа, ты не можешь разговаривать со мной только по-французски? Я бы хотела лучше знать язык.

— О, Джесс! — взмолился Орвил. — У меня мало практики.

— Но ты говоришь с парижанами.

— Для того, чтобы что-то заказать, купить и расплатиться, спросить дорогу, не нужно знать много слов.

Глава семнадцатая

Прогулка по Рю-де-ля-Пэ и другим улицам, где обосновались законодатели моды, принесла неожиданности. Прежде всего потому, что стала для Джессики не просто уступкой отцу. Девушка начала получать удовольствие от рассматривания украшений, выбора воротничков, бантиков, платьев, юбок, перчаток, туфель и шляп, от шуршания шелковистой бумаги, в которую заворачивались покупки, от блеска атласных лент, которыми они перевязывались. Отцовский кошелек значительно полегчал, но Орвил был только рад тому, что в Джессике, наконец, пробудилось женское тщеславие. Он так долго мечтал, чтобы она избавилась от того, что незаслуженно считала своим проклятием!

Теперь девушка обращала внимание, что на нее оглядываются на улицах, и ей нравилось свое отражение, как в зеркалах витрин, так и в глазах встречаемых мужчин. Довольно высокая, Джессика отличалась от миниатюрных француженок. Не знавшее ни пудры, ни румян, покрытое легким загаром лицо тоже казалось необычным. В ней почти сразу распознавали иностранку и гадали, кто она такая и откуда приехала. Джессике нравилось идти под руку с Орвиллом, и она вдруг представила, что вот так же он, как отец, поведет ее к алтарю в день ее свадьбы. Многослойная пышная юбка, кружевной лиф, отделанный бисером и стеклярусом. Живые цветы. И фата, густая, словно весенний туман, туман, за которым скрывается будущее.

Она будто сбросила некую мешавшую ей оболочку и обрела новую силу. В последующие дни она продолжала встречаться с Полем Леру. Джессика нашла предлог отлучиться из дома, сказав Орвиллу, что хочет побродить по улицам и понаблюдать за людьми, чтобы сделать несколько новых набросков. Он согласился с условием, чтобы она не уходила далеко и надолго. Девушка с замиранием сердца рассматривала величественные готические здания, глядя наверх из-под поля шляпки, на которой трепетали переливчатые страусовые перья, а Поль представлял ее скачущей верхом по просторам прерий. Сам он никогда не ездил на лошади, но Джессика сказала, что в Америке это принято и что у нее есть отлично выезженная арабская кобыла.

Они притягивали друг друга, словно два полюса, но было и нечто, соединявшее их, как половинки одного целого. Поль рассказывал девушке о Париже, показывал неприметные, но прелестные уголки. Они говорили о живописи, о художниках, рассуждали о писателях и книгах. Юноша с темными глазами и красивым изгибом губ забрал ее душу в плен. Зачарованная, она не помнила и не думала ни о ком другом: ни о матери, ни об отце, ни о братьях.

Джессика окончательно поняла все в тот миг, когда на одной из пустынных улочек Поль деликатно и нежно взял ее за руку. Задохнувшись от нахлынувших чувств, она осознала, что в ее жизни будет место и творчеству, и путешествиям, и множеству открытий, и... любви. Перед ней простирался необъятный мир, и она могла положить его на ладонь. То, чего она так боялась, свершилось, но ей не было страшно. А взгляд Поля был полон горечи, более пронзительной, нежели слезы, и он пытался ее скрыть. Как бы ему хотелось расплести эти роскошные волосы, чтобы они волнами рассыпались по подушке, прикоснуться губами к этой девственной груди, но... Он знал, что Джессика скоро уедет, уедет навсегда, и если даже когда-то вернется, то к тому времени она о нем позабудет. Поль спросил, помолвлена ли она с кем-то, и она сказала, что нет, но это ничего не меняло: у такой оригинальной, непосредственной, смелой и привлекательной девушки всегда будут толпы поклонников.

Время летело быстро, неумолимо, и однажды у Поля вырвалось:

— Как я смогу расстаться с тобой!

Она замерла. «Мадмуазель Лемб» осталась в прошлом, теперь они обращались друг к другу по имени и легко перешли на «ты».

— Мы не можем не расстаться, — в отчаянии произнесла девушка и вдруг воскликнула: — Поедем с нами в Америку!

Молодой человек горько усмехнулся.

— И что мне там делать?

Джессика молчала. Не могла же она первой произнести такие слова. Он понял.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Я люблю тебя и с великой радостью женился бы на тебе, но тогда тебе пришлось бы остаться здесь. Мой город — Париж. Ни в каких самых прекрасных краях я не сумею чувствовать себя счастливым.

Ее глаза засияли каким-то неземным светом, она улыбнулась и просто сказала:

— Я тоже тебя люблю. И ради тебя я готова на все.

Поль стиснул пальцы.

— О, Джессика! Ты сама не знаешь, что говоришь. Что я способен тебе предложить? Убогое существование в нищей каморке? Ты даже не представляешь, как мы смотримся рядом: я в поношенном сюртуке и ты, словно сошедшая с картинки дорогого журнала мод.

— Я сниму все это и надену простое платье. Я могу работать гувернанткой, учить детей музыке и английскому языку.

— Я верю в твои силы и мужество, но я никогда этого не допущу.

Заглянув ему в глаза, Джессика легко провела по его щеке ладонью в кокетливой кружевной перчатке.

— Не думай о деньгах, Поль! Моего приданого хватит на нас двоих.

Хотя в ее голосе прозвучала та самая нежность, о которой она говорила Орвилу, говорила, что никогда не сумеет ее проявить, он отшатнулся.

— Ты хочешь, чтобы твой отец купил тебе мужа? Я никогда не соглашусь жить на твоём содержании!

— Когда-нибудь ты станешь богатым и знаменитым.

Юноша покачал головой.

— У меня есть надежда, но нет уверенности в будущем. Я не могу переложить на тебя даже часть этой ноши. Ты привыкла к другой жизни.

— Ты знаешь обо мне далеко не все, — твердо произнесла она, и Поль прошептал:

— Чего я не знаю?

Джессика рассказала. Она старалась говорить короче, но было слишком много подробностей, к тому же ей не всегда удавалось подобрать слова. Поль не перебивал, он внимательно слушал, а после сказал:

— Я сочувствую твоей матери. А твой... отец прекрасный человек, но сейчас, как мне кажется, он ошибается. Зачем столько лет тащить за собой прошлое? Он мог быть счастлив все эти годы. Понятно, что он потерпел фиаско в любви, а потому...

В глазах Джессики впервые вспыхнула искорка гнева.

— Не смей так говорить! Я никогда не стану его осуждать и не смогу обидеть. Я безоговорочно верила ему и продолжаю верить.

— А тот, другой, что ты о нем думаешь? — спросил Поль, и девушка жестко произнесла:

— Хорошо, что он умер.

Молодой человек помолчал, словно обдумывая все, что она сказала, потом промолвил:

— Твой отец никогда не позволит нам быть вместе.

— Неправда. Он всегда меня понимал.

— Он заиклен на тебе и станет оберегать тебя даже от того, что тебе вовсе не угрожает.

Джессика смотрела на Поля так, будто пыталась навсегда запечатлеть в памяти его черты. Все осуждали ее мать, он первый сказал, что сочувствует Агнессе, осмелился признаться в том, что считает поведение Орвила ошибочным. Он судил о людях, вещах, о жизни по-своему и не боялся говорить правду. Она не зря его полюбила, именно его, а не кого-то другого. Только зачем он придумывает глупые отговорки и несуществующие предлоги, отвергает тот

единственный шанс, какой у них есть? Пытается наступить на горло своей любви, намеренно встает на пути собственного счастья?

— Мы найдем выход, — убежденно проговорила она, — мы обязательно его найдем.

Тем же вечером Джессика решила на разговор с отцом. Она заперла дверь, задернула шторы и приглушила свет, так что помещение превратилось в некую секретную комнату. Орвил молча ждал, что будет дальше. Он видел, что Джессика нервничает: встряхивает волосами, переставляет безделушки на комод. Он позволял ей собраться с силами и в то же время давал отсрочку себе, потому как тоже страшился того, что ему предстояло услышать. Джессика говорила недолго, ее слова были пронзительны и просты.

— Я догадывался, и мои догадки подтвердились, — сказал Орвил. — Ты не рисовала, ты встречалась с ним. Ты не видела, не замечала, не слышала никого и ничего. Сперва мне казалось, что ты ослеплена Парижем, но потом я понял: тут что-то другое. Тебе словно приделали крылья.

Лицо Джессики порозовело. Она отметила, что он произнес «приделали», а не «выросли».

— Прости меня, папа. Я не знала, как тебе сказать.

— Дело не во мне. Я понимаю твои чувства, я был готов к тому, что когда-нибудь такое случится, хотя, признаться, не ожидал, что влюбленность настигнет тебя именно здесь. Мне сложно подступить к этому, но... Джесси! Этот француз, парижанин...

Она вскинула голову, готовая встретить удар.

— Мы не подходим друг другу?

— Я бы выразился иначе. Если между вами вспыхнула любовь, это неслучайно. Но, к сожалению или к счастью, за все, что мы делаем, что происходит в нашей жизни, приходится платить. Поэтому мы далеко не всегда получаем самое главное. Ты говоришь, он не хочет ехать с тобой. Он понимает, что на твоей родине он будет чужим. Там его не примут, и он останется один, даже если у него будешь ты.

— Ты говоришь о репутации? Может ли она стать важнее личного счастья?

«Твоя мать не задумывалась об этом» — сказал про себя Орвил, а вслух произнес:

— Репутация — это бремя, обуза. Она не часто идет рука об руку со свободой. Но вопреки расхожему мнению, бедность дружит с последней еще реже.

— Да, Поль живет в нищей каморке, но...

Орвил изменился в лице.

— Ты там была?

— Нет, — успокоила Джессика. — Просто он ничего от меня не скрывает. Поль талантлив, и рано или поздно он добьется всего, чего только захочет.

Орвил поднялся с места и прошелся по комнате. Потом снова сел, оперся локтями на стол и сплел пальцы. Взгляд его темных глаз был сосредоточенным и решительным.

— Творческие личности, люди искусства, непостоянны в своих желаниях, из них редко выходят верные и надежные спутники жизни. Как я могу оставить тебя в Париже с человеком, которого ты мало знаешь, а я вовсе не знаю? Любовь дала тебе новое зрение, но она же ослепила твой разум. Тебе шестнадцать: подходящий возраст для того, чтобы безоглядно влюбиться, но слишком ранний для того, чтобы принимать столь судьбоносные решения. Ты хочешь обрести счастье ценой разлуки с теми, кто тебе дорог и кому дорога ты? Поль поступил умнее: он расставил все по своим местам. А ты даже не заметила этого.

Джессика прикусила губу. Орвил прав: как расстаться со всеми, кого она любит? Почему она не подумала о матери? А Поль? На самом деле он отверг ее, просто сделал это завуалированно, мастерски, галантно, как настоящий француз. Творчество, друзья, родной город — он желал оставить все это при себе, тогда как она была готова принести в жертву все, что имела. Кто она такая в его глазах? Богатая взбалмошная американка с причудами, вроде рисования

каких-то портретов, портретов людей, чьи судьбы ни капли его не волнуют. «Я буду сильнее и выше этого, — подумала она. — Время все вылечит. Я не потащу это в будущее, как сказал Поль. У меня хватит мужества справиться». Джессика вспомнила слова Орвила: «Тебе словно приделали крылья». Они не выросли, их прицепили, а это означает, что их можно оторвать.

Глава восемнадцатая

Все получилось не так, как хотела Джессика, потому что удары влюбленного сердца часто сбивают планы рассудка. Париж стал колыбелью ее первого чувства, и она расставалась с ним в смятении и горечи. Джессика надеялась, что ее память сохранит пусть и носивший привкус слез, но все же прекрасный поцелуй Поля. А в реальности ей только и останется ловить руками воздух, а губами — пустоту. Не так давно Джессика говорила, что не сможет полюбить ни одного мужчину, а теперь она верила в то, что никогда не полюбит никого другого. Она приехала в Париж с нетронутой душой, а покидала его с разбитым сердцем. Девушка вспоминала слова, когда-то произнесенные ее матерью: «Любовь приносит горе? Кто это сказал тебе, Джесси? Горе причиняет разлука, а не любовь». Обратный путь прошел в тягостном молчании. Джессика и Поль договорились переписываться, но девушка была уверена, что больше никогда его не увидит.

После Парижа с его неземной органной музыкой, настолько сильно пронзающей душу, что в иные минуты ее было больно слушать, грандиозными сооружениями, неуловимым, но мощным притяжением, которое нельзя выразить словами, а можно только почувствовать, родной город показался Джессике чопорным и скучным. Париж был гораздо старше, но сохранил молодую душу. Дома она вошла в свою комнату, которая выглядела чужой, медленно разобрала вещи, положила альбом с рисунками в свой «тайник», а после достала картины Поля. Странно, но там, в Париже, эти пейзажи казались ей трепетными, живыми, а теперь они словно поблекли, будто сорванные и начавшие увядать цветы. Джессика хотела повесить их на стену, но потом убрала в шкаф. Никто не должен на них смотреть. А в первую очередь она сама, потому что у нее разорвется сердце.

По возвращении Орвил с головой ушел в дела, Джеральд отправился в школу, а Джессика тосковала, сидя у окна. Со дна ее души поднималась тревожная жаркая волна, а в следующие секунды там становилось пусто, холодно и темно, и тогда она впадала в оцепенение и с трудом возвращалась в реальность. Она не хотела ни с кем говорить, не желала никого видеть. Орвил сказал, что занят, поэтому они поедут к Агнессе только на следующей неделе. Подумав, девушка позвала в комнату Френсин и сказала:

— Когда Джерри вернется из школы, отвези его к матери. Я напишу ей записку, объясню, что простудилась, а ты, если надо, подтвердишь это на словах.

Френсин замялась. Она дорожила своим местом. Когда-то Агнесса приняла на работу девушку, соблазненную прежним хозяином, из-за чего ей отказывали в других домах. А потом Френсин невольно выдала, куда именно Орвил отправил свою жену «в ссылку», после того, как узнал, что она тайком навещала своего бывшего возлюбленного во время его болезни, и ее отыскал Джек. Мистер Лемб наверняка догадался, как это получилось, но закрыл глаза на проступок Френсин, и она осталась в доме.

— Но ваш отец всегда сопровождал мистера Джерри, — робко произнесла она.

Взгляд Джессики был безжалостным, а губы изогнулись подковой.

— Делай, что я сказала.

Горничная поклонилась.

— Хорошо, мисс.

Джерри обрадовался: он любил навещать мать, и ему нравилась стряпня Терри. Быстро переодевшись, он побежал во двор, где уже ждал экипаж. Ехать к матери с Френсин было внове, но мальчик не задавал вопросов. Отец знал обо всем, что происходило в доме, значит, ему было известно и об этой поездке.

За городской чертой простирались опустевшие поля, мелькали поредевшие живые изгороди, серебристые стволы залитых тусклым светом деревьев, что составляло столь разитель-

ный контраст с парижскими улицами и площадями, что Джерри не мог оторваться от окна. Когда Агнесса увидела сына, ее лицо озарилось радостью, но во взгляде тут же промелькнуло удивление: с Джерри приехала Френсин, и рядом не было ни Орвила, ни Джессики.

— Вернулись! — Она обняла сына, а Френсин протянула ей записку.

Агнесса развернула бумажку, пробежала ее глазами, потом сказала:

— Проходите в дом. Я сейчас.

Она опередила сына и служанку и успела перехватить Терри.

— Прошу тебя, возьми корзину и ступай на рынок. Пусть Джек идет с тобой. Выйдете через заднюю калитку.

— Джерри приехал?

— Да. Без мистера Лемба и Джессики.

Терри кивнула и поднялась наверх. В это время Джерри и Френсин прошли на кухню, куда их позвала Агнесса. Они не заметили ее маневра, тогда как она, бросив быстрый взгляд в окно, увидела, как Терри вместе с Джеком выходит со двора. Мальчик любил ходить с ней на рынок, потому что это было хоть каким-то развлечением, но Терри не часто брала его с собой.

— Где Терри? — спросил Джерри. — Она что-нибудь приготовила?

— Вы приехали внезапно, поэтому у нас нет ничего особенного. Но я могу сделать тебе гренки.

— Давайте я займусь этим, мэм, — предложила Френсин. — А вы тем временем поговорите.

Агнесса благодарно кивнула, увела Джерри в гостиную и усадила на диван. Мальчику нравилась эта комната, в ней было что-то по-старинному уютное, неизменное. Казалось, здесь никто никогда не переставлял даже мелкие предметы.

— Хорошо съездили, сынок? — спросила женщина.

— Да, мне понравилось. В Париже все другое.

— А что с Джессикой? Она в самом деле больна?

— Не знаю. Она ни с кем не разговаривает. Я слышал еще в Париже, что она влюбилась в какого-то француза. По-моему, папа огорчился.

От неожиданности Агнесса едва не потеряла дар речи.

— А... что потом?

— Потом мы вернулись домой.

Значит, вот оно что! Джессика вовсе не простужена, она просто не хочет с ней разговаривать! Но Агнесса тут же смягчилась: вероятно, дочь просто не знает, как об этом сказать и не представляет, какой будет реакция матери. Она тоже кое в чем не призналась, потому что не знала, что подумает Джессика. Не рассказала о новом знакомом Джека и их непонятных встречах.

— Я видел, как Джесси плакала. А ведь она никогда не плачет, — добавил Джерри.

Стало быть, сердечная рана. Вероятно, Орвил не слишком благосклонно отнесся к внезапному увлечению дочери. Француз? Кто он такой и что между ними было? Агнесса решила, что подумает об этом потом: ей нельзя было терять время.

— Ты хотел посмотреть щенка, Джерри. Пойдем, он там, наверху.

Мальчик мигом поднялся с дивана. Пока они поднимались по лестнице, он говорил о том, с какой радостью его встретил Ред и как он по нему скучал. Агнесса улыбнулась про себя: дети не умеют притворяться и не считают нужным скрывать, что в каком-то смысле домашний питомец для них важнее матери. Она открыла дверь комнаты Джека.

— Вот он там, спит в корзинке.

При звуке ее голоса песик проснулся, вылез из своего гнездышка и завилял хвостиком.

Джерри бросился к нему, опустился на корточки и погладил.

— Хороший щенок! Он будет крупным?

— Этого я не знаю.

Агнесса вновь подумала о Керби, сенбернаре, который много лет верой и правдой служил ей и Джессике. В последние дни своей жизни он неподвижно лежал, глядя в пустоту, а иногда поскуливал, словно призывая хозяина, который никогда не вернется. Безутешная собачья душа хранила неизгладимые воспоминания, она не могла осуждать, ее преданность не подвергалась сомнениям. Животные все чувствуют, а некоторые вещи они понимают даже лучше людей. Агнесса видела это в собачьих глазах. После смерти Керби она поклялась не заводить собак, но жизнь диктует свои условия.

Мальчик повернулся к матери.

— Где *он*его взял?

Агнесса вздохнула.

— Подарили.

— А где *он*сейчас?

— Джек ушел с Терри.

Дав сыну время повозиться с собакой, Агнесса позвала его вниз. Они спустились в гостиную.

— Послушай, мама, — начал Джерри, — я давно хочу поговорить об этом с папой, но у него делается такое лицо...

«Ты ходишь вокруг да около крепости, оборона которой с каждым годом становится все мощней и которую все труднее взять», — подумала Агнесса и мысленно обратилась к бывшему мужу: «Ох, Орвил! Неужели тебе неведомо, что построенное за столетие можно разрушить в одну минуту!»

— О чем ты? — произнесла она вслух, хотя прекрасно знала, о чем.

— Иногда я хочу поговорить с тобой, мама, а тебя нет рядом. Бывает, мне страшно или одиноко, а никто не приходит. И я никого не зову, потому что не хочу беспокоить.

Агнесса глубоко вздохнула. На глаза навернулись слезы.

— Я взяла бы тебя сюда или жила бы с тобой там, мой милый, но...

Она не знала, что ответить. Начать очернять себя? Или наговаривать на Орвила?

— Кто этот мальчик? На самом деле? — спросил Джерри.

Агнесса смотрела на него сухими глазами. Правда жгла ее изнутри, невидимое пламя опаляло душу и заставляло сердце биться неутомимо и жарко, пылать, словно в огне.

— Он твой брат.

Джерри приоткрыл рот.

— Я... не понимаю.

— Что тут понимать? — устало произнесла Агнесса. — Я его мать, но у него другой отец.

— Другой? А где он?

— Он умер. Твой отец не признает Джека, потому что он не его сын. Но от этого правда не перестает быть правдой, и никому не становится легче.

— А Джек об этом знает?

— Он все видит и чувствует, но не может объяснить, потому что он еще мал. Вот причины того, почему все так происходит.

— А Джессика?

— Она сестра и тебе, и Джеку.

— Значит, ты не можешь выбрать?

— Не могу. Ни выбрать, ни выбирать. И не хочу этого делать. Все вы — мои дети.

— А если бы мы жили все вместе? — мужественно произнес Джерри.

— Это невозможно.

Они долго молчали. Агнесса ласково гладила сына по голове. «Сколько еще твоих незаконных детей я должен взять под свое крыло и дать им свою фамилию?» — мысленно услы-

шала она голос Орвила. Много ночей провела она, вот так же беседуя с ним о том, о чем не могла поговорить вслух.

— Я не должен говорить папе? — спросил Джерри.

— Лучше не надо.

— Ты подумаешь, как быть?

— Да, я попробую.

— А ты не можешь его куда-то отдать?

Агнесса усмехнулась.

— Джека? Он же не вещь!

В выражении лица Джерри промелькнула тень ревности, но он ничего не сказал. А Агнесса молилась о том, чтобы Терри обошла весь рынок и вернулась домой позднее, чем старший сын и Френсин уедут. К счастью, так и случилось, и вечером, когда Джек лег спать, она сказала Терри:

— Я рассказала Джеральду.

— Обо всем?

— О чем смогла.

— Это вовремя.

— Почему?

Терри молча протянула своей барышне письмо от Аманды.

Агнесса не воспользовалась ножом, как обычно делала, и с треском разорвала конверт. В движении ее рук были нетерпение и резкость.

— Моя мать приезжает, — сказала она, прочитав письмо, и горько усмехнулась. — Конечно. Только так и могло быть.

Глава девятнадцатая

Послание Аманды Митчелл обогнало ее саму всего на два дня, поэтому приезд матери в какой-то степени был неожиданным, а потому вдвойне нежеланным. Агнесса нервничала, ожидая чего угодно, к тому же Аманда обладала свойством превращать любую обстановку в прекрасный фон для появления на сцене. Она не была актрисой, но порой держалась именно так.

Синее платье тяжелого шелка, крученая нить отливавшего металлом жемчуга на шее, высоко зачесанные черные с проседью волосы, прямая спина, неумолимый взгляд серых глаз. В ушах покачивались серьги того же жемчуга грушевидной формы. Аманда казалась женщиной, над которой не властны годы, но Агнесса подумала о том, что хорошо сохраняется не тот, кто обладает железным здоровьем, а тот, кому наплевать на все и на всех. Лицо матери выглядело великолепной маской, которую она никогда не снимала.

Аманда слегка приобняла дочь, и Агнесса уловила вкрадчивый запах ее духов. На пальцах матери было несколько явно дорогих, но не вычурных колец. Она оглядела гостиную, трещины на штукатурке, прямоугольные следы на стенах от висевших здесь прежде картин, старую, местами выглядевшую обшарпанной мебель, матово поблескивающий светло-коричневый пол.

— Та же обстановка, что и при покупке дома?

— Я не хочу ничего менять.

Агнесса помнила, как приехала сюда вместе с Орвиллом. Тогда она даже не заметила, не разглядела, как обставлен дом, сказала только, что ее все устраивает. Она смотрела в реальность, словно сквозь какую-то пелену, и даже звуки казались ей далекими, приглушенными.

— Ты разучилась одеваться и причесываться, Агнесса, — вдруг сказала Аманда. — Кажется, я напрасно отдавала тебя в пансион. Повернись!

Дочь повернулась, и мать оглядела ее критическим взглядом.

— Ты себя запустила. С такой одеждой, прической и взглядом тебе не привлечь мужчину. Ты напоминаешь одинокий полевой цветок.

— Здесь нет мужчин, и я не собираюсь никого завлекать.

— Орвил не в счет?

Агнесса не желала поддерживать этот разговор.

— Разве вам не надо переодеться с дороги? И я скажу Терри, чтобы приготовила чай.

Как раз появившаяся из кухни Терри слегка кивнула Аманде и скороговоркой произнесла приветствие.

Когда Аманда и Агнесса сидели в гостиной, освещенной желтым светом лампы, с задернутыми шторами, мать, переодевшаяся в серебристо-голубой капот, продолжила разговор, в ходе которого изложила дочери свои доводы по поводу ее воссоединения с Орвиллом.

— Почему вы считаете, что у меня есть шанс? За минувшие годы мы даже толком не разговаривали, — заметила Агнесса.

— За эти семь лет он не посмотрел ни на одну женщину. И ни с одной не спал.

— Вы определяете это на глаз? — колко спросила Агнесса, но ни ее тон, ни фраза, ни взгляд не задела Аманду.

— Орвил не тот мужчина, который шляется по публичным домам.

— Пусть так. Но это ни на шаг не приближает меня к тому, о чем вы сказали.

— Я знаю, о чем говорю, — ответила Аманда и со всегдашней внезапностью спросила: — Этот ребенок. Скажи правду, зачем ты его родила?

— У меня был выбор?

Аманда тонко улыбнулась. Агнесса диву давалась, как матери удастся сохранять столь непроницаемый взгляд.

— Есть способы вызвать выкидыш.

Эти слова мигом выбили Агнессу из колеи.

— Как я могла не дать ему появиться на свет!

— Чтобы страдать? Сейчас ему, может быть, хорошо, но после все это обрушится на него с неумолимой и страшной силой.

— Пусть так. Но он уже есть, он жив.

— Он единственный, кто стоит на твоём пути, Агнесса.

— И что прикажете делать? Куда мне его девать?

— Вот именно, куда? Я написала, что хочу тебе помочь, и это правда. Я заберу Джека к себе. Не сейчас, чуть позже, чтобы ты успокоилась, все обдумала и решила.

Агнесса с трудом перевела дыхание.

— Зачем вам это?

— По нескольким причинам. Я живу одна. Далеко отсюда. Я Митчелл, и он тоже. У меня есть средства. В моем городе твой сын будет равным среди равных, он пойдет в школу, потом поступит в университет. Мне не довелось воспитывать тебя, и я воспитаю своего внука. Я сумею подыскать подходящие объяснения: ему не будет больно, и его примут в обществе. Ты станешь его навещать, а для Орвила он перестанет быть бельмом на глазу.

Агнесса не сводила глаз со своей матери.

— Вы сможете его полюбить?

— Я стану заботиться о нем. Он не познает ни унижения, ни нужды.

Агнесса молчала. Доводы Аманды убивали наповал. С каждым днем приближался тот миг, когда придется рассказать Джеку правду, бьющую наотмашь, словно жестокая рука. Она поговорила с Джерри, но за спиной ее старшего сына стояла прочная стена: законное рождение, положение в обществе со всеми вытекающими благами, грядущая обеспеченность. А главное, отец, готовый сделать для него все, что только сможет. А Орвил многое мог, тем более сейчас у него не было иной жизненной цели.

— Как Джессика? — спросила Аманда.

— Она недавно вернулась из Парижа вместе с Орвиллом и Джерри.

— Мне нравится эта девочка, несмотря на то, что в ее характере есть острые углы. Я хочу ее увидеть.

— Завтра они приедут.

— Все вместе, с Орвиллом?

— Да.

Аманда пообщалась с Джеком, при этом словно изучая его. Она нашла мальчика слегка потерянн, но обладающим податливой натурой, которую можно приручить. А Джек дичился женщины, столь мало соответствующей слову «бабушка», в котором было что-то уютное и родное. Она могла стать воспитательницей, но не более. Его детское сердце улавливало в ней неспособность искренне привязываться и любить. Между тем, увлеченная своей идеей, Аманда предложила Агнессе приехать к ней на Рождество вместе с сыном.

— Мы всегда встречали Рождество втроем, вместе с Терри. Я не могу оставить ее одну.

— Она не маленькая, переживет. А мы сумеем отвлечься и развлечься. А что тебя ждет здесь? Темнота за окнами и дрожь одиночества?

Агнессе удалось замять эту тему, тем более ей было нужно время, чтобы подготовиться к встрече с Орвиллом и детьми. Она знала, что он не придет в восторг от присутствия миссис Митчелл, хотя воспитание не позволит ему это показать. А ей придется поддерживать атмосферу притворной вежливости и ничего не значащих фраз.

Как и следовало ожидать, Орвил, Джессика и Джерри держались скованно. Приготовив обед, Терри забрала Джека и, как в прошлый раз, покинула дом. И ее, и Агнессу раздражала эта ситуация, но они ничего не могли поделать. Когда они сидели за столом, Джессика односложно отвечала на вопросы Аманды и даже не пыталась казаться приветливой. Орвил поддерживал пустую беседу, и Агнесса заметила, что он ни разу на нее не взглянул. Аманда настояла на том, чтобы дочь оделась и причесалась к лицу, и та нервничала, ощущая себя не в своей тарелке. Достоинство — это было то небольшое, что она еще могла сохранить.

После обеда, задав Джерри дежурные и ненужные вопросы и получив такие же ответы, Аманда под каким-то предлогом выманила Орвила в сад. Он не представлял, о чем они могут поговорить, и рассеянно смотрел на обнаженные ветви деревьев, напоминавшие серебряные струны, на блеклое небо, вдыхал бодрящий осенний воздух. Здесь было так тихо и свежо, так умиротворяюще спокойно. Ему не хотелось говорить, но молчать было невежливо, поэтому Орвил спросил:

— Надолго вы, миссис Митчелл?

— Нет. Поэтому я не стану ходить вокруг да около и поговорю с вами напрямик.

— О чем?

— О вас и об Агнессе.

Орвил склонил голову набок, брови его чуть поднялись, а губы тронула слабая улыбка, в которой угадывалась ирония.

— Признаться, не ожидал, миссис Митчелл.

— Это все та же история, — заметила Аманда.

— Какая?

Она рассмеялась.

— Все удивлялись, что такого сделал тот парень, что моя дочь последовала за ним чуть не край света? Я тоже этого не понимала, но теперь мне все ясно. Агнесса совсем не знала жизни, а он знал — это ее и привлекло. Годы заточения в пансионе, а тут вдруг такая свобода! А вы со своим благородством скромно отошли в сторону и не помешали этому парню пойти напролом. Он сделал все, что хотел, а вы и пальцем не шевельнули. И во второй раз, вместо того, чтобы держать Агнессу при себе, вы оскорбились и отправили ее с глаз долой. А он опять-таки этим воспользовался. И теперь вы целых семь лет ожидаете непонятно чего.

Взгляд Орвила похолодел, но в нем притаилось то, чего он был не в силах скрыть: уязвимость.

— Я ничего не жду.

— Не ждете, но дождетесь. Того, что Джек вновь воскреснет и как ни в чем не бывало уведет Агнессу из-под вашего носа.

— Он погиб.

— Вы уверены? Однажды он уже умирал.

— Прошу, не пугайте меня призраками.

— Этот Джек ваш вечный соперник, мистер Лемб. Все эти годы он находился в соседней комнате. Убейте его внутри себя, только тогда вы окончательно от него избавитесь. Я имела в виду не физическое воскрешение — конечно, он не оживет, а ваши отношения с Агнессой.

— Чего вы от меня хотите, миссис Митчелл? — ровно произнес Орвил.

— Чтобы вы стерли свои обиды, как стирают пыль со старого стекла, и посмотрели правде в глаза. Ваша любовь не имеет срока давности. Пусть это ваш крест, но вам нужна моя дочь. А вы нужны ей. Я помогу вам устранить препятствия.

— Просите за грубость, миссис Митчелл, но вы слишком много на себя берете.

— Не больше, чем нужно. Я заберу этого ребенка, и вы больше никогда его не увидите.

— Я и так его не вижу, — ответил Орвил, невольно ступая на поле, на котором вела свою игру Аманда.

— Для этого вам приходится делать вид, что его не существует, а Агнессе прикладывать усилия для того, чтобы соблюдать ваши условия. И ни вы, ни она не сможете преодолеть воздвигнутый между вами барьер. Не беспокойтесь, мистер Лемб, у вас, как и у Агнессы, будет время подумать и решить, что вам дороже. Ей — вы или этот ребенок, вам — она или ваши обиды.

— Жестокий выбор.

— Его предоставляю не я, а сама жизнь.

Возможно, Аманде не доставало светского лоска, но она обладала способностью снисходительно держаться даже с теми, кто был выше ее по положению и рождению. И как в характере Джессики порой проявлялась бесшабашность босоногой искательницы приключений, так в манерах миссис Митчелл проскальзывало нечто, роднившее ее с казалось бы давно позабытой «красоткой Мад». Много лет Аманду нисколько не волновало происходящее, но теперь она решила выйти на сцену, и Орвил полагал, что от нее будет не так-то просто отделаться.

Глава двадцатая

Воспользовавшись отсутствием матери и бывшего мужа, Агнесса беседовала с дочерью. Джессика стояла, повернувшись спиной к окну и вцепившись пальцами в подоконник. В выражении ее лица была неумолимая горечь и боль, и она не хотела, чтобы мать это видела. Но голос, в котором слышались глухие, тоскливые, напряженные нотки, выдавал ее состояние.

— Да, мама, все так. Я никогда не думала, что препятствием к моему счастью станет богатство.

— В противном случае ты бы вообще никогда не попала в Париж.

— И пусть! Неведение сродни небытию: оно избавляет от горестей. А правда и жизнь ранят.

— Но только тогда мы и ощущаем себя живыми. За любовь стоит бороться, даже если она причиняет боль.

— Это ты о ком?

— Это я вообще. Не все потеряно, Джесси. Пройдет зима, и если твои чувства и чувства Поля не поблекнут, весной ты сможешь поехать в Париж.

Джессика повернулась, и Агнесса увидела, что хотя лицо дочери залито слезами, ее взгляд чист и светел.

— Одна?

— Разумеется, нет. С отцом. Одну он тебя непустит.

— А если он не согласился?

Вздыхн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.